

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ВАЛЕРИЯ БРАЙТ

БЫВШИЕ

Ночь изменившая всё

Валерия Брайт

Бывшие. Ночь изменившая всё

«Автор»

2026

Валерия Брайт

Бывшие. Ночь изменившая всё / Валерия Брайт — «Автор»,
2026

Я кладу фото на стол перед Ветром.— Это кто? — спокойно, почти лениво, вопросительно выгибает бровь Макс— Мой сын. — с трудом выдавливаю из себя. Он чуть подаётся вперёд, глаза темнеют, но голос по-прежнему холоден:— И? Мне эта информация к чему? Горло сжимает страх, но я смотрю прямо в его глаза:— К тому что ты его отец. Его похитили И если это ты— Во-первых, я не похищаю детей. Во-вторых, если нужна помощь, могла просто попросить. Не стоит заливать мне бред про отцовство. Поздно для дешёвых спектаклей, Алиса. Пять лет назад, я убежала прочь от этого человека. Так далеко, насколько смогла. Но теперь, ради сына, я вновь вынуждена с ним столкнуться.

© Валерия Брайт, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	29
Глава 12	34
Глава 13	38
Глава 14	41
Глава 15	44
Глава 16	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Бывшие. Ночь изменившая всё

Глава 1

Алиса

В офисе жарко, несмотря на открытое окно. Липкий июль наваливается даже сюда, сквозь стены и жалюзи, и вентилятор в углу лишь гудит, лениво, почти в такт моим мыслям. Я откидываюсь на спинку стула, растираю пальцами виски. За сегодня три сложные семьи, две комиссии, один срыв. Осталось и один визит к семье Орлова, и можно будет выдохнуть.

В коридоре слышатся резкие, уверенные шаги. Через секунду в дверь заглядывает Лариса Ивановна, наша заведующая, энергичная женщина лет шестидесяти, с вечным румянцем и голосом, который способен перекрыть даже пожарную сирену.

— Алисочка, милая, — говорит она, улыбаясь так, как улыбаются только при появлении важных людей. — Пройди со мной. Познакомлю тебя с теми, кто будет курировать новую программу. Там серьёзные люди. Очень. Я сама всегда общалась только с посредниками, а теперь, для реализации проекта, сюда приехал сам владелец фонда. Киваю, беру блокнот, рефлекторм, как броню, и встаю. Вдох, и иду за ней по коридору. Я здесь работаю уже три года, но мне кажется, что уже целую вечность. «Дом Солнца» — это муниципальный социально-психологический центр помощи детям и семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Расположен в старинном особняке с высокими потолками, зелёным двором и облупленной табличкой у входа, он одновременно уютный и слегка уставший от жизни, как и многие его подопечные. После рождения сына, я сама сюда попала. Теперь я здесь работаю, и такую же помощь стараюсь оказать другим. Мое образование психолога, которое мне когда-то казалось неважным и ненужным, и универ я закончила только потому, что пообещала своей покойной маме, очень помогло мне построить новую жизнь.

Лариса Ивановна идёт впереди бодрой походкой, я едва успеваю за ней. В голове пусто, только мелькает: ещё одна комиссия, ещё одна встреча, боже, когда же всё это закончится. Я уже думаю о том, как быстрее смыться домой к сыну, к прохладному душу, к молчанию. Заведующая распахивает дверь в переговорную, и я машинально делаю шаг внутрь.

И в тот же миг мир ломается. Всё замирает. Мир будто падает в вязкое беззвучие, где ничего не двигается, не дышит. В глазах чуть темнеет, как от резкого удара по виску. Глаза цепляются за человека, которого не должно здесь быть. От которого, я убежала, как мне казалось на другой конец света. Но мир все-таки очень тесен.

Максим Ветров, человек, которого я ненавижу каждой клеточкой своего тела. Спустя пять лет, снова стоит передо мной. Стоит у окна, в пол-оборота, будто специально, чтобы я могла рассмотреть его профиль. Белая рубашка с закатанными до локтя рукавами подчёркивает сильные руки, чуть загорелая кожа, на виске тонкая нить шрама, которой раньше не было. Волосы стали короче, в лице ещё больше спокойствия, даже отрешённости, но я узнаю его сразу. Не по телу, не по голосу, по энергетике. По холоду, который будто вливается в комнату вместе с ним. Он не должен быть здесь. Я сбежала. Я исчезла. Я стёрла всё, чтобы никогда больше его не видеть. Но вот он. Прямо передо мной. В этом кабинете, в этом дурацком летнем свете, среди делового смеха и запаха кофе. В груди больно сжимается, будто память бьёт током по нервам.

— Знакомьтесь, — говорит Лариса Ивановна с торжественной ноткой. — Это Максим Андреевич Ветров. Руководитель фонда "Пulsь города", наш партнёр. Наш покровитель уже

долгие годы. А это, Алиса Сергеевна Корнилова, куратор семей с трудностями. Умница, талант, и просто красавица наша. Сердце центра, хоть и работает у нас всего три года.

Всё внутри меня застывает. Я почти не слышу её. Только чувствую, как сердце грохочет в груди, как пульс отдается в шее, как горло сжимается. Максим смотрит на меня спокойно, пристально. Глаза, холодные, серые, как гладь озера перед бурей, смотрят слишком долго. Слишком внимательные. Чувствую, как ноги становятся ватными. Его взгляд скользит по лицу, задерживается, и я замечаю, как едва заметно напрягается линия челюсти. Пальцы на столе сжимаются в кулак, и тут же расслабляются. Снова ледяное спокойствие. Но я знаю его слишком хорошо, чтобы не увидеть эту крошечную трещину.

— Очень приятно, Алиса...Сергеевна. — произносит он наконец. Его голос стал глубже. В нём нет гнева. Нет ярости. Но он царапает меня, как наждаком изнутри. Звук, от которого хочется зажать уши. Звук, в котором слишком много молчаливого смысла.

Глава 2

Алиса

Макс делает два медленных шага ко мне. Его рука тянется вперёд. Спокойно, как будто это обычная встреча. Как если бы мы не знали друг друга. Как если бы между нами не лежали годы лжи, недосказанности и предательства.

— Мне тоже... — отвечаю я. Слишком тихо. Слишком сдержанно. Мое имя, произнесенное им, звучит как выстрел. Внутри всё сжимается, будто он не мою руку пожал, а схватил мое сердце и сжал его в кулаке. Его ладонь тёплая, уверенная. Слишком уверенная. Всего лишь пожатие, но кожа вспыхивает, и я вспоминаю, что эти пальцы держали меня когда-то иначе. Он отпускает, и я будто падаю обратно в своё тело. Хватаю воздух. Не подаю виду. Но внутри всё дрожит.

— Это моя помощница, Дарья, — говорит он ровно, легко, почти вяло. Словно говорит это простому сотруднику центра, совершенно чужому человеку, а не жене, которую когда-то любил. Хотя любил ли...

— И будущая жена, — слышу знакомый голос и мир снова как будто трескается.

Слышу фразу, но не сразу понимаю её смысл. Она догоняет меня, как удар. Медленный. Звонкий. Стоит чуть поодаль, за спиной Макса. Девушка моего брата. Моя лучшая подруга. Нет, была. Наверное... Теперь просто... девушка в платье цвета мяты с идеально уложенными волосами и лёгким сияющим макияжем. Выглядит прекрасно. Спокойно. Уверенно. Улыбается так, будто не помнит, как я в слезах звонила ей ночью. Как пряталась у неё в квартире. Как уходила оттуда с разбитым сердцем. Она делает шаг вперёд и протягивает руку. И я на автомате тяну свою.

— Алиса, очень приятно, — голос у неё мягкий. Наигранно безупречный. Она хорошо натренировалась за эти пять лет. Совсем не такая, как была в годы нашей дружбы. Её пальцы чуть сильнее сжимают мои, чуть дольше, чем надо. Намёк? Предупреждение? Или демонстрация силы?

Я улыбаюсь. На лице всё та же маска из прошлой жизни. Улыбка вежливая, как на корпоративных фото. Никто бы и не догадался, что внутри всё разламывается на части.

Господи, это кошмар. С трудом осознаю, что происходит. Мы все делаем вид. Каждый идеальный актёр в пьесе, где не существует прошлого. Где не было боли, предательства. Где я не держала тест в руках, не бежала, не рвала связи.

Лариса Ивановна говорит что-то про маршрут проекта. Про количество семей, которым они уже помогли. Голос доносится до меня будто сквозь воду. Расплывчатый и монотонный. Я не слышу. Я не могу слышать. Потому что передо мной стоит Макс. Он бросает на меня взгляд, короткий, скользящий, будто по стене. Пустой. Отстранённый. Ни намёка на признание. Ни одной искры воспоминаний. Будто я для него пустое место. И именно это разрывает меня изнутри. Он всё помнит. Чувствую это каждой клеткой. Это в том, как он чуть прищурил глаза, когда услышал моё имя. В том, как его пальцы чуть подрагивали, прежде чем он пожал мою руку. Он помнит. Но делает вид, что не знает меня вовсе.

А я чувствую, как земля уходит из-под ног. Упираюсь рукой в стол, чтобы просто не свалиться. Максим говорит с Ларисой Ивановной, кивает на цифры в презентации, комментирует проект. Даша демонстративно отворачивается от меня и вставляет короткие реплики в разговор. А я продолжаю стоять. С прижатым к груди блокнотом, как щитом от их мира, в который мне больше нет доступа. И дышу. Медленно. Всё внутри меня кричит, срываясь в беззвучный

крик. Но снаружи только вежливая тишина. Только еле заметный вздох и мраморная маска на лице. Я не позволю себе дрогнуть. Не здесь. Не перед ним.

Когда разговор заканчивается, Макс встаёт. Спокойно, медленно. Пожимает руку Ларисе Ивановне.

— Благодарю за приём. Всё очень достойно организовано, — кивает он.

Поворачивается ко мне. На секунду его взгляд встречается с моим. В глазах ничего. Просто серый лёд. И этого хватает, чтобы меня обдало морозом от головы до пят.

— Было приятно познакомиться, — говорит он.

Прямо в лицо. Без единой трещины в голосе. Я едва киваю. Не в силах сказать ни слова. Даша выходит следом. Даже не глядя в мою сторону. Пять лет прошло после нашего развода, я ничего о нем не слышала. И мне казалось, что никогда больше не услышу, и не увижу. Мне казалось, я сделала все возможное, чтобы этого никогда не произошло. И вот он снова здесь. В шаге. В одном здании. С моей бывшей подругой. И с моим молчанием, которое скоро разорвётся в крик.

Глава 3

Алиса

Выхожу из кабинета, но не делаю и двух шагов, как воздух становится тяжёлым, будто его откачали. Сердце колотится где-то в горле. Ступни словно налиты свинцом. Останавливаюсь, прижимаюсь спиной к стене. Она холодная, гладкая. Закрываю глаза и делаю глубокий вдох, зря. Перед глазами снова всплывает его взгляд. Спокойный. Холодный. Отстранённый.

Зачем он здесь? Почему он так спокойно отреагировал? Он знает? Он наверное знает всё, следил за мной? Но... почему тогда не появлялся все это время? Господи, покровитель уже несколько лет. Как? Это же совсем в другом конце страны. Черт! Если он следил за мной, то он точно знает о Тёме!

Меня начинает трясти. Если я сейчас шагну, то просто упаду. Как в лихорадке, когда тело больше не подчиняется. Но мысль о том, что Макс заберёт у меня сына, просто сводит сума! Хотя он не может думать, что это его сын, я же Дашке тогда сказала, что избавилась от ребенка, по ее же наставлению! Вот же дура, как я вообще могла верить ей. Своей лучшей подруге, а она просто пробивала себе дорогу к Ветру!

— Алиса! — слышу голос Вари. Близкий, реальный.

Открываю глаза, поворачиваю голову. Варя уже рядом. Маленькая, рыжая, кудрявая, в белом халате. Хмурится. Смотрит внимательно.

— Ты бледная, как мел. Ты что, с привидением встретилась? — пытается пошутить, но тут же смягчается. — Пойдём. Идти можешь?

— Да, — шепчу одними губами. Я не узнаю свой голос. Он будто чужой.

Она подхватывает меня под локоть. Удивительно крепкая. Тянет в сторону своего мед-кабинета.

— Дыши, не вздумай падать. У меня и так давление один раз сегодня подскочило, теперь хватит.

Послушно иду, словно на автопилоте. Она открывает дверь, усаживает меня на кушетку. Приносит стакан воды. Протягивает.

— Вот. Медленно. Глоток. Потом ещё.

Беру воду. Руки трясутся. Сама себя не узнаю. Варя садится рядом, молчит. Просто сидит. Её локоть касается моего, и это единственное, что сейчас даёт опору

— Он... — начинаю я, но замолкаю. Всё застревает в горле. — Ветер...

Варя внимательно смотрит мне в глаза и шепчет: — Потом расскажешь. Сначала дыши. Ты в безопасности. Здесь — ты в безопасности. Слышишь?

Я качаю головой, но поверить снова в слова, которые мы все привыкли говорить нашим подопечным, не могу. Встаю с кушетки и подхожу к окну. Безопасность? Смешно. Какой к чёрту покой, если в одном здании со мной — Максим Ветров. Ветер - мой личный ад в дорогом пиджаке. Вытираю слезы, которые предательски скатились, сжимаю челюсть. Не плакать. Не дрожать. Не показывать, что мне страшно. Он не увидит, как меня зацепило. Никогда.

— Безопасность! — Оборачиваюсь к Варе. — Как появился, так и исчезнет. Или исчезну я. Главное, чтобы не с грохотом и не с очередным надгробием.

— Ты думаешь... он за тобой пришёл? — осторожно спрашивает она.

— Не знаю, Варь. Я если честно до сих пор в шоке, что у меня получилось с ним развестись. Он не хотел давать развод. Я тогда узнала совершенно другую сторону Ветра. Ту которую знали все окружающие, а я очень долго не хотела ее видеть. Брат помог мне с хорошим

адвокатом. И потом, позаботился, чтобы меня не нашли, другая жизнь, другая фамилия, другая придуманная история. Ветрова никогда не должно было быть снова в моей жизни. Жаль только Никита о своей жизни не позаботился...Случайность это или нет, понятия не имею. Но если бы Макс знал, где я, он бы не играл в благотворительность. Он бы мстил, за то что я все его планы испортила, и его репутацию хорошего семьянина. Его семья точно бы нашла способ отомстить мне.

— Семья? Но ты же говорила, у него никого не было... кроме этой его организации.

— Так и было. У него никого. Ни крови, ни привязанностей. Только правила. Только лестница наверх по головам. Эта организация и есть его семья. Тогда... Сейчас, не знаю. И знать не хочу. Этот человек убил моего брата. Пусть и чужими руками. И даже если бы в этой жизни остались только мы вдвоём, я всё равно обошла бы его стороной.

— Даже если у тебя от него ребёнок... — осторожно говорит Варя.

Я поднимаю подбородок и твердо произношу.

— Особенно если у меня от него ребёнок. — Делаю шаг вперёд, сажусь на край кушетки.

— Я не дам своему сыну расти в мире, где слово любовь означает власть, а семья — это структура с иерархией и долговыми списками. Стискиваю зубы вспоминая прошлое.

— Мне было девятнадцать. Я мечтала родить ему сына, держать его за руку и не бояться за завтрашний день. Господи, какая же я была наивная. Целый год в сердечках и мечтах о хорошем в плохом человеке. Мне казалось тогда Ого, как все круто! такой важный человек выбрал меня. Мне с ним ничего не страшно, пусть кто-то посмеет косо посмотреть в мою сторону, и он испепелит его. Пусть только какая-то проблема появится у меня на пути, и Ветер все решит. Не знаю кто он сейчас, но пять лет назад, он занимал не последнее место в Красном Обводе, в группировке которой состоял и мой брат. Но как только я узнала, что под моим сердцем бьется еще одно сердечко, во мне что-то щелкнуло. В одну секунду все изменилось. Мои глаза словно открылись и в один миг я прозрела.

— Моя хорошая... — Варя кладёт ладонь мне на плечо.

Но я уже не та девочка, что когда-то пряталась за спинами других. За спиной Ветра.

— Ничего, Варь. — выпрямляюсь. — Я выбралась из той жизни однажды, выберусь и сейчас. И не просто выберусь, вытяну себя за волосы, если придётся. Теперь у меня есть тот, ради кого я не имею права сломаться. Бросаю взгляд на окно.

— Пусть Ветров думает, что он меня сломал. Он даже не представляет, насколько я теперь другая.

Варя улыбается. Грустно, но с уважением.

— Вот это я понимаю, моя Алиса вернулась.

Вздыхаю понимая, что у меня нет права на слабость. Цепляю взглядом настенные часы и понимаю что если еще немного задержусь, то опоздаю на встречу с Орловыми. А я так с трудом уговорила Лену.

Глава 4

Алиса

Стою у подъезда старой хрущёвки, выцветшей и уставшей, как и большинство домов в этом районе. Лето в городе, вещь обманчивая: вроде бы тепло, но на душе зябко. Рядом со мной Алексей. Высокий, крепкий, с короткой стрижкой и внимательным взглядом. Он не говорит лишнего, просто стоит рядом, стена. Но именно его присутствие даёт мне ту самую уверенность, которая нужна, когда заходишь в дома, где пахнет страхом, потом и дешевым перегаром.

Доходим до нужной квартиры, я нажимаю на звонок. Из-за двери доносится глухой топот и еле слышное «Сейчас!». Потом скрип замка и дверь открывается. Елена Орлова пропускает нас вперед и снова закрывает дверь. Худошавая, с ввалившимися щеками, синяком под глазом и усталым взглядом. Мне достаточно одного взгляда, чтобы понять: ночь была тяжёлой. Возможно, даже не одна.

Прохожу внутрь. Алексей остаётся в дверях, слегка развернувшись боком, чтобы и видеть меня, и держать ситуацию под контролем. Молчаливый, но грозный сигнал: «Не вздумай». Вхожу в квартиру и сразу ощущаю тяжёлый запах табака, старого ковра и дешёвого одеколона. Здесь всё будто пропитано страхом, тем, что ползёт по коже, затягивая в себя, как трясина.

— Алиса Сергеевна, — Елена выдыхает моё имя, как спасательный круг. — Спасибо, что пришли. Он... он ещё утром ушёл. Сказал, что скоро вернётся.

— Я не надолго, Лена, — говорю спокойно, но твёрдо.

Проходим в комнату. Семилетний Мишка сидит в углу, играя с потрёпанным медвежонком. Глаз у игрушки нет, лапа перетянута изолентой. Он не смотрит на нас, но я чувствую его внимание. Ребёнок насторожен, как зверёныш, приученный бояться любого шороха.

Я присаживаюсь на корточки на уровне его глаз.

— Привет, Миш. Помнишь меня?

Он кивает, не отрываясь от медвежонка.

— У меня для тебя будет сюрприз, когда мы с мамой закончим разговор. Ты подождёшь нас чуть-чуть?

Он молчит, но снова кивает. Этого достаточно. Мы с Леной переходим в кухню. Она садится, сжимая пальцы в кулаки, и я вижу, как дрожат её руки.

— Лена, я не буду ходить вокруг да около. У нас есть достаточно оснований для подачи документов на временное ограничение отца в правах. И мы можем инициировать процедуру по лишению.

— Он убьёт меня, если узнает. Он... он уже говорил, что если я "стукну хоть куда-то", мне крышка.

— Лена, — я кладу руку поверх её дрожащих пальцев. — "Дом Солнца" вас не бросит. У нас есть временное жильё для матерей с детьми. У нас есть психологи, юристы, и если понадобится охрана. Я не обещаю рай, но я обещаю, что вы не будете одни. И никто не причинит вам вреда, пока вы с нами.

— Вы уверены? Это сработает?

— Я уверена. Но мне нужна и ваша решимость. Мишка уже живёт в страхе. Если мы не остановим это сейчас, потом будет поздно. Вы хотите, чтобы он вырос и стал таким же, как его отец?

Елена качает головой. Слезы текут по щекам.

— Нет. Не хочу. Ради него я готова на всё.

Я вытаскиваю из сумки папку с бумагами.

— Тогда давайте начнём. Это заявление. Вот доверенность. Я всё объясню.

Проходит минут сорок. Мы заполняем документы, обсуждаем план эвакуации, контакты службы. Я рассказываю, куда и когда её отвезут, как будет организовано сопровождение. В этот момент слышится звук, как кто-то копошится с замком двери. Мишка испуганный прибегает к нам. Лена замирает, как мышь, прижав сына к себе. Я выпрямляюсь, встаю между ними и дверью. — Не бойтесь. Сейчас выйду сама. Вы с Мишей никуда не выходите, пока я не скажу.

Дверь резко распахивается. На пороге Орлов. Ростом выше меня, широкоплечий, с бритой головой и запавшими глазами. Смотрит на меня, будто на чужака в своей берлоге. Но я не одна. Алексей сразу встаёт между нами. Он не делает ни одного лишнего движения, просто перекрывает собой проход, блокируя мужчину. Говорит спокойно, без надрыва: — Стой где стоишь!

Тот слегка пятится от неожиданности. — Не понял! — бормочет он. — Чего вас тут понаехало?

Я выхожу из-за спины Алексея, встаю рядом.

— Алиса Сергеевна Корнилова. Куратор Центра поддержки семей. Мы с вашей супругой обсуждали важные вопросы.

Он хмыкает, скалится, будто хочет показать зубы. — Смелая ты. Знаешь, что в чужой дом без спросу не ходят?

— Знаю. — Улыбаюсь вежливо, почти мягко. Но внутри как перед боем. — Но если в доме опасность, я не спрашиваю разрешения. Я прихожу и делаю свою работу. И, насколько мне известно, это не ваша квартира, а квартира Елены.

Он делает шаг в мою сторону, и тут Алексей сдвигается, блокируя его жёстко, плечом, без слов.

Мужчина застывает. Я смотрю ему прямо в глаза. — Попробуй только. Прикоснись к ним ещё раз и окажешься снова за решёткой. Только на этот раз без права на условное. Я тебя туда лично доведу.

Он молчит. Долго. Затем хрипло смеётся.

— Ну-ну. Делай свою работу, леди в пиджаке. Только потом не удивляйся, если окна в твоём доме ночью вылетят.

Алексей делает шаг вперёд. Мужчина пятится. Он покрывает нас матом, затем разворачивается и уходит. Дверь хлопает. Гулкий звук, от которого всё внутри на миг сжимается. Мы остаёмся в тишине.

Захожу обратно в комнату. Лена стоит у стены, всё ещё обнимая сына. Он прячется у неё под рукой, но теперь уже не дрожит так сильно.

— Все хорошо, собирайтесь и мы поедem.

Лена кивает. В глазах впервые за долгое время появляется искра. — Ты храбрый, Миш. Всё позади.

Он кивает.

Когда они собираются, Алексей берёт сумку, я помогаю Лене. Мы выходим в тёплый вечер, в котором теперь больше воздуха. Сегодня я снова выиграла маленькую войну.

Глава 5

Алиса

Наконец-то рабочий день закончился. Я помогла Лене и Мише устроиться в комнатах, убедилась, что они в безопасности, оставила свои контакты на всякий случай. Теперь можно выдохнуть. Хотя бы на пару часов. Сажусь в машину, захлопываю за собой дверь и позволяю себе короткую секунду тишины. Руки на руле, лоб опущен на них. Потом глубокий вдох. Пора домой. Дорога знакомая, маршрут отточенный месяцами. Как будто сама машина знает каждый поворот. А мысли, несмотря на все старания, снова возвращаются к нему. К Ветру. Тот, чьё имя я сама себе запретила произносить вслух. Щёлкаю пальцами по рулю, будто выбивая все из головы.

— Не сейчас. И вообще не в этой жизни, — шепчу себе.

Пусть делает что хочет. Пусть сходит с ума, строит империи, женится, рушит миры. В моей жизни для него больше нет места. И не будет. Паркуюсь у дома. Сажу несколько секунд, задерживая взгляд на окнах соседей. Потом выпрямляюсь. Мне некогда тонуть в прошлом.

Не поднимаясь в квартиру, сразу сворачиваю к саду за Темой. Там мой настоящий мир. Там моя сила.

Я иду по тропинке к саду, стараясь сдержать улыбку. Тяжёлый день всё ещё где-то за спиной, липнет к плечам усталостью, но стоит мне вспомнить, зачем я сюда иду, всё лишнее стирается.

Дверь садика скрипит, как всегда. На крыльце пахнет свежим деревом и чуть-чуть красками и пластилином. Я захожу внутрь и сразу слышу знакомый смех. Он узнаваемый среди сотни других детских голосов, звонкий, светлый, как брызги воды в солнечный день.

Воспитательница улыбается, когда видит меня:

— Алиса Сергеевна, ваш богатырь сейчас прибежит.

Киваю и делаю несколько шагов вперёд. И в ту же секунду топот маленьких ножек. И вот он, мой Тёма. Летит ко мне, как маленький торнадо, с растрёпанными волосами, в серой кофте и джинсах с цветными заплатками на коленях. В руках его любимый плюшевый кот.

— Ма-а-а-ма! — кричит он так, будто не видел меня вечность.

Приседаю и распахиваю руки. Он влетает ко мне, врезаясь с разбега в грудь, обнимает так сильно, как только могут обнимать маленькие детские ручки.

— Привет, мой родной, — шепчу ему в макушку, вдыхая запах его волос, тёплый, солнечный, с чем-то сладковатым, как печенье.

Отстраняюсь чуть-чуть, чтобы посмотреть на него. И снова замираю на секунду. Серые глаза. Такие же. Глубокие, чистые... и до боли знакомые. Оттенок дождя и стали. Оттенок, который я думала больше никогда не увижу. Тёма смеётся, задевает мои волосы, как всегда в игре.

— Ты устала, мам? — спрашивает он серьёзно, заглядывая мне прямо в душу.

И этот взгляд снова режет меня изнутри, точная копия его отца. Но копия, которую я люблю больше жизни. Прячу дрожь улыбкой и целую его в нос.

— Немножко. Но теперь все хорошо. Теперь я с тобой.

Он смеётся и обнимает меня за шею:

— Я скучал сильно-сильно! Мы сегодня рисовали лисичек и ещё кормили рыбок в пруду! А у нас в группе новый плакат! И я на нём тоже есть!

— Молодец, мой чемпион, — шепчу я, подхватывая его на руки. — Всё успеем посмотреть.

Тёма прижимается ко мне, положив голову на плечо. Его маленькое сердечко бьётся рядом с моим. Мой мир. Мой смысл. Моя сила. Выхожу с ним на улицу, спускаю его и мы идем рядом. Ощущаю, как сердце постепенно отпускает. Всё остальное: работа, страхи, прошлое — можно будет пережить потом. Сейчас я держу в руках маленькую вселенную, ради которой я снова и снова поднимаюсь на ноги. И в его глазах моё напоминание: даже из боли может родиться счастье.

Мы идём домой медленно. Тротуар ещё тёплый от летнего солнца, воздух пахнет травой и черёмухой. Тёма держит меня за руку цепко, с той серьёзностью, которая бывает только у детей, когда они чувствуют себя настоящими мужчинами.

— Мам, а мы сегодня на прогулке видели ёжика! — начинает он, широко открывая глаза. — Ну, не совсем ёжика... может, и не ёжика... а может, это была шишка, но она двигалась!

Я смеюсь тихо:

— Шишка, которая убегает — это редкость. Может, это был волшебный ёжик?

— Точно! Волшебный! — с восторгом подхватывает он. — А потом ещё... Мы строили замок из песка! Но Вовка его разломал, потому что он, ну, этот, хотел быть драконом!

Он машет руками, изображая, как "дракон" рушит замок.

— Драконы такие, — поддакиваю я, стараясь ловить каждое слово, каждый взмах его маленькой ладошки. — У них работа такая — разрушать.

Тёма кивает с важным видом и вдруг перескакивает на новую тему:

— А ещё я ел две булочки, представляешь?! И ни капельки не испачкался! Ну, почти...

Он гордо показывает мне свою кофту, где предательски красуется пятно от варенья. Я смеюсь снова, тепло, легко. Сердце оттаивает с каждой его фразой. Всё правильно. Всё хорошо. Мы почти подошли к дому, когда я чувствую какое-то напряжене, как тонкую струну в воздухе. Замедляю шаг, оборачиваюсь. Ловлю краем глаза движение позади нас, в нескольких метрах, идёт мужчина в синей толстовке с капюшоном, надвинутым на лоб. Двигается вроде бы неспешно, но слишком уж внимательно. Слишком настойчиво держится на одной линии с нами. Я напрягаюсь. Пальцы инстинктивно крепче сжимаются вокруг ладошки Тёмы.

Он продолжает болтать про своих рыбок, про новый рисунок в группе, про то, что хочет, чтобы у нас был настоящий кот, но я слышу его уже сквозь тонкий звон тревоги.

— Мам, а котёнок будет спать у меня? Прямо в кроватке? Или надо ему отдельную кроватку? — спрашивает он, заглядывая мне в глаза.

Я улыбаюсь ему, будто ничего не происходит. Спокойствие. Только спокойствие.

— Обязательно заведём котёнка, чемпион. И пусть он спит, где захочет, — отвечаю ровно, прижимая его чуть ближе к себе.

Мимо проезжает машина. Мужчина в толстовке делает вид, что останавливается у столба, читает объявление, потом снова идёт за нами.

Чувствую, как сердце ускоряет ритм. Но ни шага быстрее. Ни взгляда назад. Мы почти у подъезда. И кто бы он ни был, я не позволю ему подойти ближе. Тёма ничего не замечает. Он счастлив. И я должна сохранить его улыбку. Как только мы приближаемся к подъезду, достаю чип, мгновенно открываю дверь, и мы проходим внутрь. Не дожидаясь пока дверь сама закроется, я притягиваю ее и насильно захлопываю. Мы заходим в лифт, и поднимаемся к моей квартире. И только закрыв за собой дверь на четыре замка, я чувствую себя в безопасности. Темка уже побежал в свою комнату, готовить место для котенка, а я все еще зависла в прихожей раздумывая над тем показалось мне, или все же за мной кто-то следил. Может это человек Ветра. И в эту же секунду вздрагиваю от сильного стука в дверь.

Глава 6

Алиса

Стук повторяется. Короче. Жёстче. Я прижимаюсь к двери, дыхание сбивается. В глазке силуэт. Мужской? Сердце уходит в пятки. Я вцепляюсь в ручку так, что костяшки белеют. И вдруг проясняется рыжая грива кудрей. Варя. Стоит, надув губы, как обиженный школьник.

Я отступаю на шаг, распахиваю дверь.

— Ты чокнутая, — вырывается у меня. Голос срывается злым шёпотом, хотя пальцы дрожат от облегчения.

— Да ладно тебе, — Варя морщит нос и улыбается. — Я тихо стучала! Это дверь у тебя долбанутая, гремит как консервная банка. Передо мной бабулька дверь открывала вот я и прошмыгнула.

Варя без слов заходит внутрь и захлопывает за собой дверь. Поворачиваюсь к ней, всё ещё с трудом переводя дыхание.

— А позвонить, нет?

— Так я ж говорила тебе сегодня днем, что приду к тебе на чай. Ты серьёзно испугалась? — спрашивает она уже мягче.

Я глотаю ком в горле.

— Почти написала завешание, — отвечаю сухо. — Думала, что это мой придурок-бывший.

Мы молчим пару секунд. Потом я вскидываю подбородок:

— Но если бы это был Ветров, Варя... Я бы не плакала и не падала в обморок. Я бы встретила его как положено. — С топором? — с надеждой в голосе уточняет она.

— Минимум, — усмехаюсь я. — Проходи давай на кухню, — толкаю Варю слегка плечом, прогоняя остатки тревоги. — Чай так чай. Хозяйничай сама, знаешь, где что.

Она уверенно направляется к шкафчикам, а я быстро забегаю в комнату. Срываю с себя одежду, накидываю лёгкое домашнее платье, старое, но любимое, мягкое, уютное. Мельком заглядываю в детскую: Тёма сидит на ковре, увлечённо строит башню из конструктора, высунув кончик языка от концентрации. Улыбаюсь краем губ и тихо закрываю дверь.

Возвращаюсь на кухню, где Варя уже шумит чашками.

— Генка мне, по ходу, изменяет! — выпаливает она с такой злостью, что лимонная долька шлёпается в кружку, расплескивая воду.

Я прислоняюсь к косяку, скрещивая руки на груди:

— Серьёзное заявление. И почему мы так решили?

Варя вскидывает телефон перед моим лицом, экран светится скриншотом. Короткое сообщение от **Генеральный** *"Ничего не планируй на выходные с семьей. Ты на два дня мой!"*

— Вот! — почти шипит она, тыкая пальцем в слова.

Я морщу лоб. Прохожу к столу и беру кружку в руки.

— Может, по работе? — говорю с осторожностью, отпивая глоток горячего чая. — Генеральный всё-таки.

Варя замирает, застывает с приподнятыми бровями, морщит носик, будто унюхала что-то подозрительное. На секунду в её глазах мелькает сомнение. А потом она решительно трясёт головой так, что кудри подпрыгивают:

— Может... Но не думаю! Наверное, скрывает кого-то. — отрезает она и налегает на свой чай с таким видом, будто собирается в нём утопить все свои проблемы. — Ладно! Генке

я яйца прикручу! Пусть не думает, что сможет свалить и оставить мне ипотеку на старость! Я его накажу — красиво и креативно!

Она хватает кухонное полотенце, делает угрожающий жест в воздухе, будто уже гонится за бедным Генкой. Я усмехаюсь, ставлю кружку на стол и сажусь напротив. Варя меняет тему.

— Ты мне скажи лучше, что ты решила?

— Решила с чем? — приподнимаю бровь.

— Ну, с Ветром! — Варя тут же наклоняется ближе, заговорщицки шурясь, как будто за нами могут подслушивать стены.

Я вздыхаю, потираю виски:

— А что с ним решать? У него невеста. Ко мне он никакого отношения больше не имеет.

Варя с грохотом ставит свою кружку на стол.

— А как же его сын?! — Варя выпаливает так, что я едва не роняю чашку.

Внутри всё леденеет. Я поднимаю на неё взгляд.

— Вот ты сейчас меня бесишь, — говорю я спокойно. — Хорошо подумай, прежде чем продолжить. Я поднимаю со стола ложечку и слегка постукиваю ею по столешнице.

— Ложкой стукну, ей-богу, — шучу наполовину, а наполовину нет.

Варя поджимает губы, виновато опускает глаза.

Тишина на секунду нависает в кухне. Только Тёмин приглушённый голосок из комнаты напоминают о простом, о жизни.

— Может, он изменился... — несмело бормочет Варя, делая глоток чая.

Резко поднимаю ложечку и угрожающе машу ею над её головой. Варя тут же сжимается, вжимая голову в плечи и виновато хихикая.

— Живи! — снисходительно бросаю я, опуская орудие в чашку. — Не буду лишать себя своей единственной нормальной подруги.

— И я чётко слышала, — продолжаю, — как он Лёсу тогда говорил: "никаких детей". Для него это помеха. Это слабое место, через которое на него можно надавить. Он не может позволить себе такую угрозу.

Медленно отставляю кружку в сторону, чувствуя, как внутри холодеет. Пальцы скользят по тёплой керамике, будто ища в ней опору. На секунду снова оказалась у приоткрытой двери кабинета Максима, крепко сжимая положительный тест на беременность. В тот момент промолчала, не зная как мне поступить, и по глупости в тот же вечер рассказала все Даше. А она подлила масла в огонь, сказав, что слышала сору Ветра с Никитой. И Макс грозился убить его, потому что считает, что тот слил информацию о товаре в порту. Они тогда даже подрались. И мне срочно надо развестись с Максом и она уговорит брата, тоже уйти с Красного Отвода и мы все вместе уедем. Но в какой-то момент все пошло не так

— Лёсу? — переспрашивает она, прищуриваясь.

— Да, — киваю я. — Лис — его узкоглазая правая рука. Жуткий тип... Не человек, а ледяная змея... И это всё, что ты услышала из того, что я тебе сказала? — вскидываю удивленно брови. Закатываю глаза к потолку и откидываюсь на спинку стула. — Господи, кого ты мне в подруги послал?

— Ну прости! — вздыхает Варя, поджимая губы. — Я просто... Я не хотела, правда.

Она ёрзает на месте, смущённо скручивая в руках салфетку. Рыжие кудри падают ей на глаза, и она торопливо заправляет их за ухо. Смотрю на неё, на её виноватую мордашку, на эту искреннюю растерянность, и как я могу на неё злиться? Никогда не могла. Выдохнув, я облокачиваюсь локтями о стол, смотрю ей прямо в глаза.

— И на минуточку, — произношу я тихо. — он первый, кого я подозреваю в смерти моего брата. — Я помню... — шепчет Варя, опустив взгляд.

— Как я могу подпустить его к своему сыну, Варя? Как?! — голос срывается на шёпот, наполненный болью и яростью. Сжимаю кулаки на столешнице, чтобы не трястись. Варя мол-

чит. Я выдыхаю, отодвигаю кружку. Слышу, как из комнаты доносится детский смех. И в этом смехе всё, ради чего я живу. Всё, ради чего нельзя позволить Ветру вернуться в мою жизнь.

Глава 7

Алиса

Сажусь за столом, склонившись над кипой бумаг. Свет от настольной лампы выхватывает белизну листов и тонкие тени моих пальцев. Проверяю отчёты по семьям, которые курирую. Работа это мой способ держать мысли в узде, не дать им снова скатиться к тому, о ком думать запретила себе ещё пять лет назад.

Откидываюсь на спинку стула, кручу в руках ручку, задумчиво щёлкая колпачком. Черт! Забыла перезвонить Андрею. Он еще вчера писал мне, и я обещала позвонить, когда уйдет подруга. Беру телефон, зависаю над его именем. Вспоминаю поцелуй в машине, и почему-то откладываю телефон, будто обожглась. Сейчас не до этого.

Дверь резко распахивается и заходит Макс, заходит так, словно это его кабинет. Не стучит, не спрашивает. Просто открывает дверь, словно я здесь мебель, а не человек, и молча занимает кресло напротив меня. Спокойный, надменный, холодный. Медленно откладываю документы в сторону и откидываюсь на спинку кресла, скрещивая руки на груди.

Он медленно скользит взглядом по моему столу. На экране телефона всё ещё мигает имя Андрея. Я ловлю, как уголок губ Макса чуть дернулся. Не ухмылка, скорее отметка: заметил.

— Значит, фамилию сменила, — произносит он, скользя по мне изучающим взглядом.

— Значит, — спокойно отвечаю, выдерживая его натиск.

Он чуть дергает уголком губ, нечто среднее между ухмылкой и презрением, и, будто не слыша моего тона, продолжает:

— Не думал, что ты сможешь работать... здесь.

— Если ты о том, что наш главный спонсор, это твой филиал, — киваю, внутренне собираясь в кулак, — то будь уверен: если бы я знала, что он твой, я бы...

— Я к тому, — перебивает он, наклоняясь вперед, — что у тебя, оказывается, есть такие способности.

Его голос ледяной, колючий. Я усмехаюсь, но в этой усмешке ни грамма радости.

— А ты думал, у меня есть способности только стоять тихо возле тебя и в нужный момент улыбаться в камеру? А потом молча исчезать, не лезть в твои дела, как делают жены всех твоих друзей?

Он выпрямляется, смотрит на меня, словно я всё ещё где-то там, под его каблуком.

— Знал бы, что ты хочешь работать в таких условиях, сразу бы устроил тебя, — говорит он, лениво откидываясь в кресле, будто мы обсуждаем не мою жизнь, а погоду за окном. Как будто моё прошлое, просто пункт в его делах.

Слышу эти слова, и что-то горячее и дикое вскипает внутри. Злость поднимается от живота к горлу, удушающей волной. Пальцы сами сжимаются на подлокотниках кресла, так сильно, что костяшки пальцев белеют. Мышцы на лице будто каменеют. Хочется встать, заорать, вцепиться в него руками, встряхнуть, заставить почувствовать хоть малую часть того, что он разрушил во мне. Но я стараюсь выглядеть спокойной. Выпрямляюсь, и смотрю ему прямо в глаза. Ледяным, безжалостным взглядом.

— Что тебе нужно, Ветров? Почему ты здесь?

Он на секунду замирает, разглядывает меня, как хищник смотрит на свою жертву.

— Вот думаю... Брак у нас не получился, — тянет он лениво, — может, работа получится?

Я резко встаю. Стул скребёт по полу, громко и неприятно.

— Не получится! — рублю коротко.

Макс медленно поднимается навстречу, его рост всегда давил, но не сегодня.

— Решила уволиться? — холодно уточняет он.

— Нет, решила взять отпуск за свой счёт. Пока ты здесь, — бросаю, снова скрестив руки на груди.

— На целый год? — он приподнимает бровь. — По словам твоей директрисы, ты незаменимый работник. Думаешь, она отпустит тебя так надолго?

— Ты здесь на год? — уточняю сквозь зубы, чувствуя, как пульс начинает колотиться в висках.

— Пока да. — Он говорит это легко, небрежно. — Я уже дом за городом снял. Так что... — он направляется к двери, явно давая понять, что считает разговор оконченным, — заходи в гости, если что.

Я взрываюсь. Всё накопленное за годы молчания, за годы боли и одиночества, вырывается наружу с силой урагана.

— Ты с будущей женой меня чаем с баранками угостишь?!

Макс резко оборачивается ко мне, его глаза сверкнули холодным, опасным светом. Но я не отступаю. Делаю шаг вперёд, сокращая расстояние почти до упора, чувствуя, как в груди натягивается боль, как старая незажившая рана снова рвётся кровью наружу.

— Моего брата тоже баранками угощали? Или свинцовыми пулями?! — бросаю в лицо, глухо и тяжело, будто каждое слово вырывается сквозь железную хватку боли.

Меня трясёт изнутри. Сжимается живот, но я стою. Стою, потому что слабость — это роскошь, которую я себе больше не позволю. Смотрю в его глаза, и внутри меня пульсирует один единственный вопрос: как он мог?

Ветров сначала замирает. Его глаза вспыхивают на долю секунды, челюсть сжимается так, что на скуле проступает жёсткая тень. Но в следующее же мгновение лицо снова становится ледяной маской.

Наклоняюсь ближе, чувствуя, как дрожит злость под кожей.

— Я тебя больше не боюсь, Ветров! — шиплю, в упор глядя ему в глаза.

На мгновение тишина между нами сгущается, становится почти осязаемой. Макс усмехается краешком губ. Жестоко. Надменно. Так, как умеют только те, кто привык видеть мир под собой.

— А зря... — шепчет он, и его голос звучит тише, но тяжелее, будто груз на грудь. Он выходит, не оборачиваясь. А я стою, дышу тяжело, чувствуя, как сердце молотит в груди.

Глава 8

Алиса

Едва за Максом захлопывается дверь, и я только успеваю снова присесть за стол, как в кабинет врывается Орлов. Дверная ручка с треском бьётся о стену. Его тяжёлые, грузные шаги разносятся по кабинету, словно топот зверя в загоне. Не успеваю даже толком подняться, Орлов налетает, грубо сминая пространство между нами. Его пальцы, крепкие, как тиски, вцепляются в мои плечи и с силой прижимают к стене. Спина с глухим стуком ударяется о холодный гипс, отзываясь тупой болью в позвоночнике.

— Ты, тварь, кто тебе дал право в мою семью лезть?! — орёт он прямо в лицо, брызгая слюной. От его горячего, вонючего дыхания меня передёргивает, но я стою, заставляя себя смотреть ему прямо в глаза.

Сердце с бешеной скоростью колотится где-то под горлом, стучит в ушах, в висках, в кончиках пальцев. Но я держу лицо, ровное, холодное, непроницаемое. Страх цепляется за внутренности острыми когтями, но я не даю ему вырваться наружу. Где охрана? Как он вообще сюда прошёл? Мысли скачут в панике.

— Отпусти меня, Орлов. Сейчас же, — мой голос выходит удивительно спокойным.

Он отвечает молча. Вытаскивает из кармана нож, тонкое, грязное лезвие сверкает в полутьме кабинета. Подносит его к моему лицу, и холодный металл касается кожи под подбородком. Кожа реагирует моментально: мурашки бегут по телу, дыхание сбивается.

— Ещё раз сунешься к Лене или к Мишке, клянусь, прикончу, поняла? — рычит он. — Сегодня же уговоришь Ленку вернуться домой. Отнимешь сына — закопаю, никто и не найдёт!

Холодное лезвие впивается в кожу под подбородком. Я ощущаю, как капля крови ползёт вниз, горячая и липкая. Паническая мысль вспыхивает: «А если он сейчас дернёт рукой — и всё?» Перед глазами — лицо сына. Сердце падает в пропасть, но я всё равно смотрю ему прямо в глаза.

— Тебя снова посадят, Орлов. — говорю ровно, чётко, вглядываясь в его воспалённые, бешеные глаза. — И на этот раз надолго. Уже говорила тебе: прослежу за этим лично.

Он смеётся коротко, злобно, отвратительно. Нож дрожит в его руке, а затем Орлов резко вдавливая лезвие сильнее.

— Бессмертная, что ли?! — сипит он. — А ты, сука, смелая!

— Даже не представляешь, насколько! — срываюсь я, сама не понимая, откуда берётся сила. Резко поднимаю колено и со всей яростью бью его в пах. Орлов всхлипывает, складывается пополам, взывая от боли:

— Сууука!

Не теряю ни секунды. Бросаюсь к двери, рывком распахиваю её, но он как разъярённый зверь всё же успевает меня настигнуть. Его рука резко хватает меня за плечо и с силой толкает вперёд.

Мы оба падаем на пол. В последний моментставляю ладони, чтобы не разбить лицо о твёрдые деревянные доски. Больно ударяюсь коленями, кожа на ладонях мгновенно саднит до жжения. В ушах звенит. На секунду теряю дыхание.

Сзади Орлов уже снова поднимается, и ощущаю, как его тяжёлая тень нависает надо мной. Внутри всё сжимается, но я сцепляю зубы. В следующую секунду всё происходит в один миг. Замечаю в проеме Макса. Он бросается к нам без единого слова. Ветров срывает Орлова

с меня грубо, как тряпичную куклу. Толкает его на стену с такой силой, что та трескается, оставляя вмятину.

— Ты охренел, мразь? — рычит Макс и, не давая Орлову опомниться, с размаху бьёт его кулаком в челюсть.

Хруст костей глухо отдаётся в тишине кабинета. Орлов оседает вниз, захлебываясь воздухом, но Макс не даёт ему упасть. Он снова поднимает его за шкуру и вбивает плечом в стену, держит, как тряпку.

— Смертный приговор решил себе выписать? — шипит он, сжав Орлову горло.

Слышу, как тот сипит, беспомощно дрыгаясь. Через пару секунд в кабинет наконец врывается охрана, двое крепких парней в чёрной форме. За ними и Варя, с сумочкой в руке, по-видимому, готовая ехать домой. Она сразу подходит ко мне. Макс бросает Орлова на пол, как мусор, делает шаг назад и орёт на охранников:

— Почему проебали посты, уроды?!

Охранники что-то мычат невнятное, затем подхватывают Орлова, выкручивая ему руки. Он захлёбывается матом, но никто даже не реагирует. Макс бросает на меня короткий взгляд, словно сканирует: цела ли я, на ногах ли. В его глазах нет ни капли мягкости, только бешеная ярость и холодное презрение. Он делает резкий шаг вперёд, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы:

— Этого тебе не хватало в нашем браке? — его голос звучит хрипло, угрожающе. — Адреналина?

Варя в панике. Смотрю на нее вся бледная. Подхватывает под локоть, помогает подняться. Её руки дрожат. Опираюсь на неё, но быстро отстраняюсь, выпрямляясь сама. Не хочу казаться слабой, особенно перед ним. Внутри всё горит. Злость подступает к горлу вместе с болью.

— Как раз этого мне хватало с головой! — выпаливаю, глядя ему прямо в лицо. — Мне не хватало любви! Не хватало понимания!

Макс зло усмехается, губы скривились в неприятной ухмылке.

— Нашла? Здесь? — он кивает в сторону двери, за которой только что выволокли Орлова.

— Господи, да у тебя кровь! — взвизгивает Варя, хватая меня за руку.

Я отдёргиваюсь.

— Я в порядке, — резко бросаю, не спуская глаз с Макса.

Он сжимает кулаки так, что хрустят суставы. Его глаза сверкают холодной сталью.

— Дура! — рычит мне в лицо, резко разворачивается и уходит, хлопая дверью так, что стена вздрагивает.

Варя снова хватается за меня за руку:

— Пойдём, я обработаю тебя!

— Да в порядке я! — почти кричу, вырываясь из её рук.

Быстро хватаю с кресла свою сумочку и, едва сдерживая дрожь в пальцах, вылетаю из кабинета. Гулкий стук моих каблучков по пустому коридору заглушает всё остальное. Только бы не остановиться. Только бы не дать себе расклеиться. Выбегаю из здания, почти не замечая, как за спиной захлопываются тяжёлые двери. Асфальт под ногами кажется зыбким. На автомате подхожу к машине, цепляюсь пальцами за холодную дверную ручку...И замираю. Не могу сразу открыть. Не могу сделать ни одного движения. Стою, опустив голову, тяжело дыша, будто только что пробежала марафон. Пальцы дрожат. В висках бьётся глухая боль.

Чёрт, как же я устала держаться. Как же надоело быть сильной.

Горло сдавливает судорогой, дыхание сбивается, и я упираюсь лбом в крышу машины, закрывая глаза. Изнутри всё клокочет от обиды, ярости и бессилия. Макс. Орлов. Вся эта жизнь, в которой мне снова приходится выживать.

— Соберись, Алиса... — шепчу сама себе, ощущая, как по щеке скатывается одна-единственная, предательская слеза. Быстро смахиваю её тыльной стороной ладони. Не позволю им сломать меня. Ни ему. Ни другим. Никому. Резко выпрямляюсь, с силой дёргаю дверь, бросаю сумку на переднее сиденье. Сажусь за руль и, сжав его крепко, пару раз глубоко вдыхаю. Пытаюсь вернуть дыхание, вернуть контроль над собой.

Домой. К сыну. Только это сейчас имеет значение.

Глава 9

Макс

Я захлопываю за собой дверь машины с такой силой, что стекло дребезжит в раме. Сразу завожу мотор и двигаю с места. Нужно разложить всё по полкам. Орлов — мусор. Таким, как он, место на дне. Его выходка меня не удивила. То, что Орлов полез именно на неё — вот что бесит. Не потому, что мне её жалко. Нет. Потому что это *удар по мне*. Не дай бог просочиться еще что она моя бывшая жена! Теперь Алиса — проблема. Ненужная, опасная проблема. Никитос конечно хорошо ее спрятал и до последнего не говорил где она.

А теперь, пожалуйста: Алиса Корнилова — один из кураторов проекта, за который я теперь отвечаю лично. Проекта, который должен был стать моей публичной отмывкой после всего того дерьма в порту. Судьба, видите ли, решила поиздеваться. Смешно.

Вспоминаю её лицо. Упрямая линия губ, такая знакомая до боли, до злости. Взгляд острый, дерзкий. В ту первую секунду, когда она увидела меня, в её глазах вспыхнуло нечто. Не страх даже, скорее... растерянность. Мелькнула, исчезла. А потом — всё. Подбородок вверх, плечи расправлены, будто между нами никогда ничего не было. Умница. Хоть раз в жизни сделала правильный выбор — молчать.

И всё же она не изменилась. Ни черта. Та же маленькая, бешеная кошка, что шипит, когда её тронешь не так. Всегда лезла туда, куда не просили. В чужие дела, в разговоры, в ситуации, которые могли закончиться гробом. Но в браке со мной она была другой. Спокойнее. Или, по крайней мере, умела делать вид. Я её держал. В узде, по-честному. Потому что знал, как. Знал, на какие кнопки давить. Где лаской, а где жёстко. Она была моей — и с этим не спорила.

Что она сейчас делает в этом клоповнике? Зачем, черт подери, лезет в жизни других, если свою развалила до основания?

Дура! Пытается играть в спасительницу, в куратора семей. А сама? Свою семью пустила под откос, даже слова не сказав, просто исчезла. Трусиха. Не хватило духу ни объясниться, ни остаться. Черт! Мало сейчас у меня проблем, теперь еще с ней возиться. Но я не намерен позволить ей валить мои планы из-за своих старых обид. Если она встанет поперёк дороги — снесу. Без сожалений. Просто снесу. Никаких глупых эмоций. Никакой жалости. Она сделала свой выбор, когда решила со мной развестись. Мямлила что-то про не сошлись характером И нет взаимопонимания Нет семьи... Ты знала, но что шла девочка! Что-то я не слышал об этом, когда она ночами дрожала от страсти в моих руках. Или когда по несколько раз в год летали на Мальдивы, только по тому что моей кошке хотелось перезагрузки от моих обводовских игр — как она называла. Затем в один момент заладила развод, а потом вообще исчезла. И на какую жизнь она все променяла? На этот гребаный клоповник! Чтобы какой-то имбицил порезал ей горло ножом. Причем из-за чужих проблем. Дура! Её выбор — её проблемы. Я здесь не для того, чтобы спасти прошлое. Я здесь для того, чтобы контролировать будущее. И первое, что я сделаю, поставлю её на место. Жёстко. Быстро. Чтобы раз и навсегда выбить из её головы мысли о том, что она может мне мешать. Надеюсь ей хватит мозгов, чтобы не трепаться о том, что мы вообще были раньше знакомы.

Телефон противно вибрирует на панели. На экране мигает имя: **Дарья**. Челюсть напрягается, но всё же смахиваю значок ответа.

— Что? — рычу в трубку, не скрывая раздражения.

— Котик, мы поужинаем дома? Или мне подготовиться и поедем куда-то?

Мысленно перекрываю тормоза, но голос вырывается с резкостью:

— Какой нахер котик? Я тебе сколько раз говорил, не называй меня так! Ужинай где хочешь, у меня дела.

Сбрасываю вызов. Телефон швыряю обратно на панель, он глухо ударяется об пластик и съезжает под стекло. Бесит. До тика под глазом. Надо заканчивать с ней. Слишком уж задержалась в моей постели. Расслабился. К вопросу о будущей жене еще вернусь. Промолчал на встрече, не потому, что не было что сказать, а потому, что заметил как это задело Алису. Да и может, к лучшему. Пусть бывшая думает, что у меня кто-то есть. Но Даша... Решила, что если пускаю в спальню значит, дал доступ в жизнь? Промахнулась. Сильно. Ей еще везет, что секретарь из нее хороший, претензий нет.

На перекрёстке торможу. Слева подростки на электросамокатах играют в гонки, справа дед в кепке толкает ржавую тележку, доверху забитую бутылками. Лето. Город бурлит. Шум, запах бензина, окна открыты в каждой второй машине. В салон проникает кислый дух улицы, но я не замечаю ничего, кроме собственного напряжения. Я снова вдавливаю педаль газа. Машина рвётся вперёд, шум мотора перекрывает собственные мысли. Дворы сменяются офисами, затем парком. Мимо проносится заправка, оттуда тянет жареной кукурузой и пылью. Кто-то продаёт цветы прямо с обочины, пёстрые букеты в ведре, будто нарочно для похорон чего-то, что уже умерло. В этом городе всё не то, всё продажное. Все продажны. Как и в этой жизни. Даже те, кто клянётся, что любит.

Глава 10

Макс

Заезжаю в богом забытый ресторан, куда назначили встречу. Ожидаю увидеть забега-ловку с пластиковыми скатертями и жирными шторами, а в итоге оказываюсь приятно удивлён. Интерьер — на уровне. Потолки высокие, тёмное дерево, мягкий свет, негромкий джаз льётся из колонок. В этом маленьком городке такое место, как дорогой костюм на бродяге. Не вяжется. Но мне это даже нравится. За столиком в углу уже сидит Лис и мэр, рыхлый, сидящий мужик с опухшим лицом, типичный политический марионетка. Рядом с ним девушка, вся в белом, с театральной улыбкой и вырезом до пупа.

Подхожу. Мэр тут же подскакивает, тянет свою вспотевшую ладонь:

— Максим Андреевич! Рад, очень рад принимать таких гостей в нашем городе!

— Спасибо. — коротко, сухо. Руку жму быстро.

— Позвольте представить... Мия, мой пресс-секретарь. Очень талантливая девочка. Умница. Просто красавица. Настоящий знаток своего дела!

— Рада знакомству, — растягивает надутые губы в «улыбке» и кивает мне. Голос чуть выше, чем нужно, взгляд — цепкий, будто давно всё решила.

Молча оцениваю её: губы, как будто перекачанные, грудь на грани вываливания. От одного взгляда на декольте понятно, что она пришла сюда не по протоколу.

— Вижу, в этом городе у вас все умницы и красавицы... — скептически произношу, вспоминая, как пару дней назад так же представляли Алису.

— Ну что вы! — жеманно вздыхает Мия, хлопая ресницами, будто с рекламы туши.

Шлюха. Я таких насквозь вижу. С ними даже говорить не хочется. Только в горло, и желательно без звука.

— Мы уже заказали ужин, — кокетливо тянет она, подавая мне меню. — Вы что-нибудь посмотрите?

Пальцы «невзначай» скользят по моей руке. Поднимаю взгляд. Смотрит, прикусывая губу, явно надеясь, что получит реакцию. Не дожждётся.

— Я выпью. — рывкаю официанту, как будто хочу отпугнуть муху, жужжащую над ухом. — Виски, двойной. Без льда.

Девка моргает, не привыкла к отказу? А мне плевать. Мэр радостно откашливается и переходит к делу. Говорит о пресс-конференции, о логистике, безопасности. Маячит что-то про журналистов. Это мне важно. Очень. Пресса должна быть под контролем. Никаких лишних фото. Ни одного левого вопроса. Если кто-то откроет рот не по сценарию, его карьеру закопают, как неудачный проект. Мне нужен чистый, вылизанный эфир. Этот мир должен видеть только то, что я покажу.

Встреча подходит к концу. Мэр поднимается первым, хлопая меня по плечу с фальшивой, приторной улыбкой.

— Простите, Максим Андреевич, мне к семье. Дети ждут, — говорит, будто оправдываясь, и уже через пару секунд исчезает в коридоре, как будто его здесь и не было. Лис выходит следом, кивая мне коротко. Без слов. Как и должно быть.

Мия остаётся. Потягивает свой martini, глядя на меня из-под густо накрашенных ресниц. Этот взгляд, смесь похоти и расчёта. Она явно думает, что способна меня чем-то удивить. Дешёвый приём, будто я таких не видел. Сколько их было... всех одинаково тянет на власть,

на деньги. Думают, если лягут под нужного мужика, поймут билет в новую жизнь. Только не со мной.

Молча бросаю на стол купюры, даже не глядя, сколько. Официантам здесь за такие встречи чаевых хватает с головой. Встаю, она тянется следом, изгибаясь всем телом, будто это шоу для одного зрителя.

— Может продолжим в неформальной обстановке? — голос сладкий, как густой сироп, от которого тошнит.

Серьёзно? Бля-я. Ну ладно, сама напросилась.

— У вас здесь отель приличный есть? — спрашиваю сухо, не меняя выражения лица.

Она тут же расцветает, как будто это приглашение в рай.

— Конечно, лучший в городе. Я всё устрою, — говорит и идёт вперёд, виляя бёдрами, будто по подиуму. Платье натягивается на заднице так, что видно, какого цвета на ней бельё.

Пока идём к выходу, думаю только об одном, нужно срочно выстроить контроль над этой чёртовой территорией. Понять каким боком моя бывшая именно здесь и разобраться с ней. До того как она снова сунется не в своё дело.

В машине едем молча. До места назначения добираемся быстро. Отель оказывается на удивление приличным. Строгий интерьер, запах дорогой древесины, стекло, кожа, тишина. Всё слишком прилично для того, что должно было случиться. На ресепшене Мия держится уверенно, даже вызываясь, медленно поворачивает голову через плечо, сверлит меня томным взглядом, будто уже раздевая. Не знаю что она ожидает, но будет точно не так.

Я молчу. Просто иду за ней. В лифте ни слова. Только взгляд. Жёсткий, прямой. А она играет. Будто нарочно прикусывает губу, не прячась. Провоцирует.

В номере скидывает туфли и, не теряя ни секунды, выгибается у кресла, будто позирует. — Может, закажем шампанское? — голос тянущийся, ленивый, как шёлк, но с фальшью на грани. Она знает, зачем здесь. Я тоже.

Захлопываю дверь, щёлкаю замок. Ложу ключ на стол с таким звуком, будто выстрелил. Подохожу к ней вплотную, чувствую, как она задерживает дыхание.

— Ты не пить пришла, — тихо, почти без интонации.

Она выдает короткий смешок. Хотела сыграть, но я не даю. Хватаю ее за подбородок, резко, без украшений. Поднимаю её лицо — глаза в глаза. — Здесь не будет романтики. Хватит притворства. Ты знала, на что идёшь.

Мия сглатывает. И всё, что смогла сделать, снова слегка прикусывает губу. Нет ответа. Ни «да», ни «нет». Разворачиваю её к стене. Жёстко. Она подчиняется. Молча. Медленно поднимает ладони и упирается в стену. Я расстегиваю ремень. Звяк металла в тишине номера звучит громче, чем её дыхание. Опускаю брюки, подхожу плотнее, прижимаясь к её спине. Сквозь ткань чувствую как она дрожит от предвкушения. Сдергиваю с неё платье до пояса. Грудь голая, напряжённая, спина выгнута, бёдра чуть отставлены. Готова. Без слов. Задираю подол, трусики даже не снял, рванул вниз, и ткань лопает. — Так лучше, — прошептал ей в ухо, прижавшись. — Без церемоний.

Вхожу в неё сразу. Глубоко. Без подготовки. Без «можно?» и «ты точно хочешь?» Она всхлипывает, цепляясь пальцами в обои, будто это могло её удержать. Мои руки ложатся на её бёдра, потом выше, одна на грудь, вторая на горло. Сжимаю не до боли, но с достаточной силой, чтобы она чувствовала, кто здесь главный. Двигаюсь резко, хлёстко, задавая ритм, будто отрабатываю злость. Она подхватывает, не просит остановиться, наоборот, вжимается в меня бедрами, будто просила глубже.

— Это ведь то, что ты хотела, м? — рычу, наклоняясь к уху. Грубее. Сильнее. Без поцелуев. Без лжи.

Она кивает, едва заметно. Или просто не может говорить. Я ускоряюсь. Стон из её горла становится криком. В нужный момент отстраняюсь и кончаю ей на поясницу, чуть выше яго-

диц. Белая горячая метка на коже. Как подпись. Как факт. Молча отхожу в ванную, прохладный свет и запах влажного камня. Открываю кран и жду, пока вода наберёт нужную температуру. Опрокидываю лицо под поток, будто смывая остатки всего, что было минутах раньше. Не чувств их там не было. Просто нужно было сбросить напряжение.

Слышу шаги. Мягкие, босые. Она подходит сзади не торопясь. Я не оборачиваюсь. Стою, держась за край раковины. Вижу её отражение в матовом стекле, обнажённая, глаза полуприкрыты, волосы растрёпаны. Как будто, ей есть что сказать. Она касается меня осторожно, ладонями по спине, обнимает, прижимаясь телом. Тёплая, мягкая, скользящая. Цепляется. Думает, это что-то значит? Я не двигаюсь. Отключаю воду. Выпрямляюсь и отстраняюсь на шаг.

— Можешь идти, — говорю холодно, не глядя.

— Но... — её голос срывается, будто она не ожидала.

— Свалила в ночь! — перебиваю. — Увидимся на конференции.

Захожу в душевую кабину и закрываю за собой стеклянную дверь. Теплая вода хлещет по плечам. Тишина. Только шум воды и глухая, навязчивая пульсация в висках. Когда выхожу, её уже нет. Ни одежды, ни запаха парфюма. Чисто. Пусто. Прохожу в спальню, плюхаюсь на кровать и моментально отключаюсь. Не хочу больше думать. Ни о ком. Ни о чем.

Просыпаюсь рано. В голове пустота. Ни мыслей, ни сожалений. Просто утро. Одеваюсь не спеша и покидаю отель. Надо бы позавтракать, но все позже. Сегодня важный день.

Путь до загородного дома занимает не больше сорока минут. Асфальт блестит после ночного дождя, шины шелестят по лужам. В голове тишина. Она всегда там, когда мне это нужно. Дом двухэтажный, стекло и дерево, сдержанный комфорт, никакой показухи. Здесь я могу отключиться. Или хотя бы сделать вид. Открываю дверь ключем. В холле прохладно, пахнет чистыми поверхностями и кофе, значит, домработница уже на месте. Так и есть, встречает меня как только вхожу в дом.

— Кофе. Принеси в кабинет, — говорю, проходя мимо нее.

— Конечно, — откликается она тихо.

Сажусь в кресло, вытягиваю ноги, закрываю глаза на пару секунд. Резкий хлопок двери. Сначала входит домработница с подносом, движется тихо, будто извиняется за чужую бурю. За ней — Даша. Громкая, как всегда. Летит в комнату с разбега.

— Ты серьёзно?! — выпаливает она, не обращая внимания на домработницу. — Где ты, чёрт побери, был всю ночь?!

Принимаю чашку, киваю женщине. Та уходит быстро, не встречая.

— Я тебе звонила. Писала. Ждала, как дура. Целую ночь! А ты даже не счёл нужным ответить! — истерит словно это впервые.

Делаю глоток кофе. Горький, крепкий, с идеально выверенной температурой. Смотрю на неё спокойно. Без эмоций. Просто жду, пока выдохнется.

— Тебе плевать, да? Ты даже не собираешься объяснять, что это было?

— Это, — говорю, отставляя чашку, — не твоё дело.

Она будто ошолбеневаёт.

— Что?!

— Я тебе ничего не должен. Где я был, с кем и зачем — тебя не касается. Никогда не касалось. Ты здесь не потому, что у тебя есть на это право.

— Макс, — голос уже неуверенный, — ты... ты же знаешь, что я...

— Нет, — перебиваю. — Не знаю. И знать не хочу.

Встаю, беру с собой кофе, чтобы продолжить на террасе, прохожу мимо неё. Она чуть отступает в сторону, растерянная. Без плана. Без оружия.

— Запомни на будущее, — говорю на выходе. — Мне не устраивают сцены. Ты хороший работник, с которым я иногда сплю, и здесь ты только потому, что пока мне так удобно. Она остаётся стоять на месте, вся дрожь, вся истерика разбиваются о моё безразличие.

— Не нужно устраивать цирк в моём доме, — бросаю на ходу. — У нас сегодня конференция. Надеюсь, ты там сможешь держать лицо.

Глава 11

Алиса

Стою у шкафа и смотрю на вешалки, как на врагов. Жарко, липко, душно — лето, чтоб его. Вместо того чтобы дышать кондиционером в кабинете, собираюсь тащиться на конференцию, где все будут делать вид, что у них всё под контролем. Не хочу. Ни на грамм. Но директриса смотрела вчера на меня так, будто от моего присутствия зависит судьба всего центра. «Алиса, это правда важно. Там будут потенциальные партнёры...» Ага. Потенциальные зевки, скорее. Но я же не умею отказывать, когда речь идёт о деле. Ну да, «лицо проекта», и почему вдруг я?! Приятно, конечно, но где-то между этим «лицом» и бессонной ночью, потеряла последнюю каплю желания туда идти.

Слышу звонок мобильного и выкапываю его из горки моих вещей на кровати. Андрей Меня сразу бросает в жар. Я осознаю, что все это время проигнорировала его, так и не набрав.

— Алло, — жму на зелёную кнопку и делаю вид, что голос у меня бодрый, а не сонный и раздражённый.

— Алиса! — радостно, слишком радостно, как будто мы месяц не виделись. — Ну наконец-то, Малыш. Я уж думал, ты поменяла номер.

— Не поменяла, — вздыхаю. — Просто много работы.

— Понимаю, все как всегда. — Его голос мягкий, без упрёка, но мне почему-то становится неловко. — Я тебя не отвлекаю?

— Как сказать... Стою перед шкафом, веду переговоры с вешалками. Всё никак не выберу, что надеть.

Андрей смеётся. Тепло, по-настоящему.

— Тогда у тебя очень серьёзное совещание. Я бы предложил спортивные шорты и футболку. А затем взять Темку и махнуть ко мне на дачу. Но почти уверен, что снова услышу: Давай не сегодня.

Чувствую как щеки заливаются краской и мне на самом деле неловко, но я все же произношу:

— Да Андрей. Давай все же не сегодня. У меня столько всего и все сразу, да еще и конференция эта. Прости... Честно я бы сейчас чувствовала бы себя намного лучше на природе, чем на этой встрече, полной фальши и мерзких типов.

— Судя по тону намечается веселая встреча. Слушай у меня еще две недели отпуска, и мое предложение остается в силе. У меня озеро недалеко можно будет с Темкой порыбачить. Ты держись там... И... если захочешь сбежать с конференции, знай, я тебя жду.

Я смеюсь, коротко, но искренне.

— Учту. Спасибо, Андрей.

— Улыбайся почаще, слышишь? Малыш, мне спокойнее, когда знаю, что ты улыбаешься.

Он отключается, а я стою с телефоном в руке и впервые допускаю мысль, что может быть стоит дать ему шанс. И на самом деле после конференции возьму заслуженный отпуск и приму его предложение.

Шкаф всё ещё бесит, но деваться не куда. Нужно определяться. Перекидываю через руку серую юбку. Отвратительно садится. Следом — белая рубашка. Мятая. Её хоть кто-то гладит вообще? Беру темно-зелёный комбинезон — он хорош, подчёркивает талию, строгий, но без перебора. И тут в голове вспышка. Даша. На прошлой конференции. В мятном брендовом платье. Каблуки, макияж, глянец на губах, как в рекламе. Я фыркаю.

— Ну уж нет, — говорю вслух, откидывая комбинезон обратно. — Не собираюсь участвовать в параде павлинов.

Руки тянутся к юбке-карандаш и кремовой блузе без рукавов. Классика. Смотрю в зеркало, поворачиваюсь вбок. Хм. Вроде ничего. Добавляю пиджак цвета топленого молока. Летняя ткань, дышит. На каблуки плевать. Беру удобные кожаные лоферы. Устойчиво, уверенно, без жертв. Макияж нейтральный. Немного тональной, брови, лёгкий акцент на глаза. Волосы собираю в гладкий пучок. Хвост будет жарить шею. Пускай всё будет чётко, сдержанно, по деловому. Смотрю на себя снова. Злая, но собранная. Всё как надо. Я не хуже кого-то там. Я — это я. И если кому-то не нравится, пусть моргает чаще. Хватаю сумку, документы и на выход. Всё. Хватит думать. Дышу глубже. Пора превращаться в ту самую «Алису из центра», которую все так любят видеть. А что внутри — моё дело.

Я опаздываю. Конечно же опаздываю. На пару минут, но для таких встреч это как красная помада на зубах. Последние журналисты уже строятся с камерами, на тротуаре у входа толпятся чиновники, мэр с неизменным выражением важности на лице, директриса, вся напряженная, в строгом пиджаке. Спешу приблизиться потому что уже поймала ее укоризненный взгляд. Ткань костюма немного прилипает к спине, июль, емае, но я хотя бы не на каблуках. Лоферы мягко пружинят по асфальту, иду быстро, не оборачиваясь.

Ветров тоже уже на месте. Стоит чуть в стороне, разговаривает с мэром, руки в карманах. Спокоен, будто весь этот цирк вокруг создан для него. Взгляд Макса на секунду цепляется за меня. Показался даже какой-то интерес. Затем резко отворачивается. Щёлк. И снова нейтральность. Продолжает разговор, как будто не смотрел в мою сторону. Но я замечаю: он заметил. И рядом, конечно, Даша. В идеальном белом костюме, с идеально отрепетированной улыбкой. От ее деловитости, хочется хмыкнуть. Или кинуть в неё камушек. Но я просто поправляю ремешок сумки на плече и расправляю плечи. Хватит. Хватит думать о них. Я пришла делать свою работу.

— Всё готово, через три минуты начало. Подойдите, пожалуйста, на площадку, сейчас всех расставим.

Деловито командует девушка, лет двадцати пяти, в слишком открытом наряде, для сегодняшнего мероприятия, с телефоном в одной руке и планшетом в другой. По-видимому, пресс-секретарь. Как-то еще видела ее с мэром на одном из мероприятий.

Даша делает шаг ближе к Максy. Демонстративно. Как кошка, которая только что прошлась по твоей подушке хвостом. Но я даже не смотрю в её сторону. Делаю шаг немного ближе к директрисе.

— Так, господин мэр, вы, пожалуйста, по центру, Лариса Ивановна, вы, пожалуйста, справа, — командует уверенно девушка.

Мне ничего не говорит, и я становлюсь рядом с директрисой. Ветров становится слева от мэра, и Даша как прилипшая пиявка не отходит от него. Вокруг также становятся чиновники, и еще какие-то важные лица. Господи сколько же их слетелось чтобы не упустить момента посветить личиком. Вдалеке замечаю знакомых, которых не хотела бы видеть. Скиф, со своими людьми из охраны, и конечно же Лис.

— Вы у нас кто? — переключает мое внимание пресс-секретарь.

— Помощница, — отвечает Даша, — и девушка Максима. — Тут же вставляет следом.

— Так, помощницы сейчас не нужны, — задумчиво произносит девушка, игнорируя последнюю фразу, и продолжает бегать глазами по присутствующим. А я с трудом сдерживаю смешок. Как же сильно моя бывшая подруга, хочет всем показать, что она девушка моего бывшего мужа

— Вы... — останавливается на мне неожиданно

— Куратор семей, подопечных центра... — делаю как можно серьезней вид.

– Значит туда, вместо помощницы, – кивает мне – А она может позже присоединиться к фотосессии, – говорит обращаясь к Ветрову.

Тот молча кивает. Даша фыркает, но отходит в сторону. Со всем нежеланием я топаю и становлюсь возле Макса, мысленно проклиная эту долбанную конференцию.

– Могла бы и не опаздывать! – жестко чеканит Ветров, чуть склоняясь ко мне, как только я равняюсь с ним.

– Мог бы вообще не приходить, а послать зама, как делал до этих пор!

Ответить ещё одной колкостью Макс не успевает, так как журналисты столпились вокруг и начинают задавать свои вопросы.

Я стою как на сцене и говорю всё, что должна. По сути. Без лишнего лоска. Пусть остальные красиво кивают и улыбаются в камеры — мне важнее, чтобы услышали главное. Про семьи. Про тех, кому мы помогаем. Про то, что не отчёты спасают людей, а живые, реальные руки рядом. Макс стоит неподалёку, почти не шевелится. Слушает? Или делает вид? Всё равно. Мой голос для зала, не для него.

Отвечаю на вопросы, смотрю по сторонам, мысленно отсчитываю время до окончания. Конференция тянется как жвачка на жаре. Господи, как же я хочу убраться отсюда. Уехать из этой душной атмосферы показухи, галстуков и натянутых улыбок. Хочу просто выключить телефон, скинуть деловой костюм и хоть пару дней побыть человеком. Женщиной, мамой, не куратором, не лектором, не мишенью для чьих-то подозрений. Сразу после конференции домой. Сегодня Тёмка не в саду, няня сидит с ним. Он, наверное, уже построил новую башню из своего любимого конструктора и ждёт, когда мама вернётся и "будет монстром, который её разрушит". А затем мы вместе построим что-то интересное.

Наконец прощальные речи, мэр благодарит партнёров, жмёт Ветру руку, крепко, театрально, как и положено для прессы, упоминает инвесторов, кто-то чинно аплодирует. Я едва сдерживаю зевок. И вдруг совсем неожиданно — грохот. Не хлопок. Не звук микрофона. Этот звук я узнаю даже во сне. Выстрел. Оглушительный, будто рядом с ухом кто-то ударил железом по металлу. На долю секунды полная тишина. А потом: крики, гул, чьи-то истеричные вопли. Люди бегут в разные стороны, столы переворачиваются, охрана хватается рации. Кто-то падает на землю, не раненый, просто от страха.

Я стою как вкопанная. Воздух дрожит. В ушах звенит, будто включили старый телевизор на максимум. Гул не стихает. Ничего не слышу, кроме него. Краем глаза вижу, как Даша бросается к Ветру, что-то истерично пищит, машет руками. Вижу, как директриса хватается за грудь, мэр ловит её за плечи, удерживает. Паника накрывает всех, как волна, и я будто в эпицентре.

Передо мной возникает Варя. Откуда, не понимаю. Рот шевелится, глаза испуганные, она хватается меня под локоть.

— ...лиса!.. Алиса!! — вроде бы кричит, но я слышу только искажённое *пишиши*.

Пытаюсь ответить, сделать шаг, и вдруг всё вокруг проваливается. Тело становится ваты. Варя хватается меня под руку, держит. Как? Не знаю. Она ведь крошка. Но держит. Резкая боль в плече вспыхивает неожиданно. Словно кто-то ткнул меня ножом, горячо, жгуче. Поворачиваю голову. Рука вся в крови. Красное пятно быстро растекается по ткани.

— Чёрт... — выдыхаю.

Меня ранили. А я даже не сразу поняла. Стою, как дура, в крови, с гулом в ушах, среди бегущих людей и разбросанных буклетов конференции. Ненавижу это место. Ненавижу его лицо в толпе. Ненавижу взгляд его серых глаз, который он не сводит с меня. Который словно ждёт что я вот-вот упаду! Но я не сдамся! Пусть даже не надеется!

Но явно моё желание не совпадает с возможностями моего тела. Я чувствую, как пальцы холодеют, в ушах всё ещё звенит, а перед глазами пятна сливаются в рябь. Воздух тягучий, как

вода. Кажется, будто мир стал слишком большим, а я слишком маленькой, чтобы удержаться в нём на ногах.

Не сейчас. Только не сейчас. Цепляюсь за остатки сознания как за обрывки троса, но ощущаю, как всё медленно, неотвратимо ускользает. Тело не слушается. Колени подкашиваются, руки соскальзывают с плеч Вари и я начинаю оседать вниз.

— Алисочка, держись, моя хорошая... — её голос как будто сквозь стекло. Глухой, растерянный. Варя не в силах меня удержать, её тонкие руки соскальзывают с моих плеч, и в следующую секунду я чувствую, как падаю. Но не удар о землю, а резкие, крепкие руки подхватывают меня. Мощные. Живые. Знакомые.

Поднимаю взгляд сквозь туман и вижу лицо Макса. Сначала смазано, как через воду, но потом чётко. Его глаза. Тот самый взгляд, ледяной, сосредоточенный, будто всё вокруг неважно, только я в фокусе.

Он не говорит ничего. Просто берёт меня на руки. Без напряжения, легко, как будто я почти ничего не вешу, хотя внутри чувствую себя бетонной глыбой.

— Отпусти меня! Я сама могу! — бормочу, и пытаюсь вырваться, дёргаюсь в его руках, но боль резко пронзает плечо, такая, что мир мгновенно темнеет по краям. Меня скручивает волной от этой боли, дышать становится трудно, и я резко обмякаю, замираю, вцепившись в его рубашку.

— Видел я, как ты сама, — только и бросает он сквозь зубы. Без тени эмоций. Как приговор.

Я снова моргаю, и будто перемещаюсь во времени. Только что была на земле, грязь, шум, вспышки, крики... А теперь, заднее сиденье машины. Мои пальцы вцеплены в ткань сиденья, плечо стонет от боли, на лице капли, то ли пот, то ли кровь.

Макс уже за рулём. Его профиль каменный. Никакой растерянности, только концентрация и глухой гнев в каждом движении. Варя хлопает дверцей и тут же пристраивается рядом, одной рукой прижимая моё плечо, другой, копошась в своей сумке, судорожно вырывая оттуда бинт, салфетки, ещё что-то. На переднее сиденье стремительно запрыгивает Даша, цепляясь за ремень безопасности. На лице у неё маска беспомощной паники, но голос леденящий:

— Я с вами...

— Куда?! — Макс даже не смотрит на неё, но голос у него как хлесткий кнут. Глухой рык, от которого воздух в салоне становится плотнее.

— С вами... — пробует мягко, с надеждой, будто уговаривает зверя, а не мужчину.

— К Лису! В его машине! Он тебя отвезёт домой! — гремит Ветров, будто сейчас сорвётся.

— Любимый... — пытается она, голос чуть дрожит, но ещё держит интонацию, будто надеется вернуть контроль.

— Быстро, блядь, к Лису! — взрывается он, и я вздрагиваю, даже несмотря на боль.

Даша молча открывает дверь. На прощание бросает в мою сторону такой взгляд, будто только что сожгла меня заживо. И хлопает дверью. Мы трогаемся. С резким рывком, со свистом шин. Меня кидает назад, и я инстинктивно зажимаю зубы, чтобы не застонать. Боль скручивает всё плечо, кажется, как будто горит изнутри, и даже дыхание даётся с трудом.

Сама того не ожидая, почти отрезвляюсь. Никаких провалов. Никакой ваты в голове. Всё вокруг становится кристально чётким, плотный запах крови, дрожащие пальцы Вари, нависающие тени деревьев за окном. Больше не проваливаюсь в никуда. Я снова здесь. И я всё чувствую. Варя рядом, суетится, ерзает, продолжает давить на рану чем-то, что, скорее всего, уже насквозь пропитано моей кровью.

— Потерпи, родная... Потерпи, слышишь? Уже едем... Скоро...

— Я терплю. — Сквозь зубы. Силы уходят, но я не позволю себе звучать слабо.

Она шепчет что-то ещё, но я не слушаю. Ненавижу, когда из меня делают жертву. Да, мне больно. Да, я истекаю кровью. Но всё ещё в состоянии выпустить когти.

— Всё хорошо. Болит, но я справлюсь. Я всё ещё жива, Варя. — Уже намеренно громко, чтобы Макс слышал.

Поднимаю глаза, смотрю в зеркало заднего вида. Вижу, как взгляд Макса резко отрывается от дороги и встречается с моим. Лёд. Сталь. Гнев. И мне становится невыносимо тесно от молчания.

— Слышишь, Ветер? — зло бросаю я. — Я всё ещё жива! Ты сейчас меня куда везёшь, а? Добить?! Это ведь ты захотел убрать меня, верно?

Глава 12

Макс

Списываю весь бред, который несёт Алиса, на шок и адреналин. Иначе бы не промолчал. Знает же, блядь. Прекрасно знает, что если бы я действительно хотел её убрать, сделал бы это тихо. Без шума. Без крови на публике. Без этой сцены под камеры. Один звонок, и она бы исчезла, как и не жила. Но если ей так хочется, пусть думает. Пусть. Вот же черт. Решил помочь по старой памяти, по упряманному глубоко «не всё ли равно», а в ответ — ярлык на лоб: убийца. Резко давлю на тормоза. Машина визжит, замирает у приёмного.

— Вали из машины, пока я реально не передумал! — бросаю сквозь зубы, не поворачивая головы.

Хлопает дверь. Потом ещё одна. Её голос хриплый:

— Мудак! — слышу в благодарность за то, что попытался спасти дуре жизнь.

Я сжимаю руль так, что он хрустит под ладонями. Уезжаю, не глядя назад. Колёса визжат. Трасса размывается, заливается злостью. Дышу носом. Медленно. Сдержанно. Всё внутри горит. Челюсть сводит. Хочется ударить по рулю, но не даю себе этого. Нет смысла.

Одной рукой хватаю телефон, на автомате включаю громкую связь.

— Лис, давай ко мне. Скиф со мной.

Вырубаю звонок.

Гоним к дому. Потому что надо подумать. Всё разложить. Разобраться, что за дерьмо только что произошло. Потому что, либо это была спонтанная атака. Либо кто-то хотел сорвать конференцию. Или... сделать вид, что хотел убрать её. При мне. Специально. Или недоделанный киллер хотел грохнуть меня... Слишком много «или».

По дороге набираю Левина. Молюсь, чтобы не уехал из города как планировал. Слава богу, в городе. — Срочно в приёмное. К Корниловой. Проконтролируй, чтобы в бреду ничего лишнего не наговорила. Сам понимаешь, шок, кровь, адреналин. — Понял. Уже еду.

Бросаю трубку и давлю на газ. Подъезжаю к дому. Как только переступаю порог, Даша слетает с лестницы, будто ждала под дверью, и моментально бросается мне на шею.

— Наконец-то! Господи, Макс! Я так испугалась! Я сначала подумала, что это в тебя стреляли! — лепечет она на одном дыхании, вцепившись пальцами в воротник моей рубашки. Глаза блестят, как у школьницы, которую не позвали на танцы.

— Я в порядке, — глухо отзываюсь, и не глядя, отцепляю её руки.

Она отступает, обиженно втянув губы, но я уже не с ней. Прохожу вглубь дома. Лис ждёт в гостиной, полулежа на диване, как у себя. В одной руке стакан с чем-то золотистым, в другой — планшет.

— Наконец, — тянет он, не вставая. — Ты как?

— На адреналине. Поворачиваю к кабинету, Лис поднимается, идёт за мной. Только мы заходим, как следом врывается Скиф. Шумный, злой, с перекошенным лицом и сбитой походкой, будто сам с войны вернулся.

— Какого хера это было?! — голос срывается на глухой рык. Бросаю на него взгляд. — Ты мне гарантировал безопасность, мать твою.

— Ветер, я всё проверил! Всё было под контролем! Все было проверено надёжно! — Скиф оправдывается, но видно сам взбешён. Скула дёргается.

— Надёжно?! Надёжно меня могли грохнуть к чертям! — резко бью кулаком по столу. Шум гулко отзывается в стенах, хрустит в пальцах.

Лис встаёт у окна, задумчиво шурится.

— Ты думаешь, пуля предназначалась тебе? — спрашивает спокойно, без эмоций. — Я не думаю. Я понятия не имею, Лис. И именно поэтому вы оба здесь.

Поворачиваюсь к Скифу.

— Мне плевать, кто это был. Знаю одно — он выстрелил. При мэре. При камерах. И сука, задел мою бывшую.

— Алиса... ты кстати не говорил, что она здесь. — тихо вставляет Лис.

Я подхожу к бару в углу, наливаю себе двойной. Пью не торопясь. В голове шум, но мысли уже становятся холодными.

— Ты найдешь эту мразь, Скиф. И живым привезёшь. Живым. Слышал? — Да понял я! — бурчит он, отводя взгляд.

— Нет. Не просто понял. Ты вбил себе это в череп. Если он умрёт до того, как я с ним поговорю — ты ляжешь рядом. Я ясно изъясняюсь?

Скиф глядит прямо в глаза. Молчит. И только потом, медленно, кивает.

— Чётко. Будет по-твоему. Я опускаюсь в кресло, откидываюсь на спинку, кручу в руках стакан. Жарко, душно, в висках пульсирует злость, которую сдерживаю только потому, что сейчас нужно думать. Холодно. Чётко. Без истерик.

Скиф сидит, уставившись в пол, будто виноват. Лис у книжного шкафа, медленно листает какую-то папку, просто, чтобы занять руки.

— Ты же понимаешь, что в её сторону возможно попали не случайно, — произносит Скиф, медленно поднимая глаза. — Может, пуля была именно для неё. Куда она пропала после развода, кто она теперь, ни черта не ясно.

— Она сменила фамилию. Исчезла, как будто испарилась, — кивает Лис. — А теперь вдруг — детский центр, куратор по семьям, конференция. Всё слишком гладко звучит. Да еще и в центре где ты генеральный спонсор. А может Алиса вообще спелась с теми же кто, подставил тебя с трупом в порту.

Я скриплю зубами. В груди уже не злость, что-то вроде глухого жара. Потому что правы. Сам ни хрена не знаю, как она жила все эти годы. И это бесит.

— Займись этим, Лис. Полностью. Без дерьма и сказочек. Подними всё: с кем он связана, кто мог на неё выйти. И главное, пусть достанут настоящую историю. Не ту, которую для неё сочинил её брат, а то, что было на самом деле. Найди все, что мы упустили, когда ее искали ранее.

Как только за Скифом и Лисом захлопывается дверь, я остаюсь в кабинете один. Тишина давит. Воздух — густой, тяжёлый. Сквозь него будто режешься, а не дышишь. Прохожу к окну, упираюсь кулаками в подоконник. Щелкают костяшки пальцев. Надо успокоиться. Хрен там!

Всё шло как по нотам. Должно было. Конференция, мэр, правильные лица, правильные слова. Договорённости. Бабки. Точка. А вместо этого — выстрел, крики, кровь. Алиса. Конечно же, мать его, Алиса. Вернулась, как сраная буря. Не просто мимо проходила, прямо на центр моей жизни. И всё в клочья. Я злой. Не просто раздражён, злой до боли в челюсти от того, как сжимаю зубы. И всё это потому, что не понимаю: она втянута в это дерьмо? Или просто рядом оказалась?

Кто знал, что она будет на конференции? Я, директриса, мэр, Даша... Чёрт, да даже если стреляли в неё, всё равно вопрос ко мне. Почему? Почему рядом со мной? Почему именно сейчас? Мы не виделись столько лет. После развода она испарилась. Исчезла, будто её и не было. Сменила фамилию. Сменила всё. А теперь вдруг здесь. И кто-то стреляет. По мне? По ней? По нам?

В порту недавно нашли три тела. Кто-то слишком нагло работает на моей территории. Кто-то, кто уверен, что может качнуть меня. Может, это сигнал? А может ловушка? Может,

меня кто-то тянет на дно, а её просто используют, как приманку? Но если я не мог найти ее, то кто мог узнать, что она здесь, что она моя бывшая?

Или, может, всё гораздо проще. Клиенты, подопечные, родители с кукухой. И это реально меня не касается, а ее разборки. Проблема в том, что я не знаю, кто она теперь. Алиса. Ха. Только имя осталось. Всё остальное под вопросом. И мне нужно знать. Потому что пока я не понимаю, она угроза или мина замедленного действия. Я не позволю снова себя подставить. И если кто-то думает, что Макса Ветрова можно провести, пусть готовится к войне.

Дверь кабинета медленно открывается, без стука, как всегда. Даша. Тихо скользит по полу, словно может вот так просто войти в мою злость и остаться невредимой.

— Макс... — шепчет, будто голосом что-то извиняет. Подходит ближе, кладёт руку на плечо. Тепло, липкое. — Я так испугалась... Я думала ...

Сбиваю её руку, будто грязь стряхиваю.

— Не начинай, Даша. Не сейчас.

Она делает обиженное лицо, чуть не плачет, хорошая актриса, мать её. А потом снова делает шаг вперёд, прижимается, будто у нас тут сцена из романтической драмы.

— Я ведь за тебя... всегда. Ты же знаешь.

— Отвали, — рычу сквозь зубы.

Снова тянется, на этот раз двумя руками. Ластится, как будто не видит, что меня трясёт. Меня трясёт.

— Я просто... волновалась. Ты понимаешь, да? — говорит уже чуть громче, голос звенит от фальши. — А ты... ты зачем отвёз её?! ЭТУ... Почему ты вообще полез её спасать?! Почему не оставил там? Пусть бы сдохла!

Медленно поворачиваю голову.

Смотрю в глаза. И внутри всё становится ледяным.

— Что ты сказала? — спрашиваю тихо.

— Я сказала, что лучше бы эта дрянь сдохла, Макс! Ты что, до сих пор... из-за неё?! Она же снова появилась! Специально! Чтоб тебя сбить! Она же всегда всё рушит!

Грудь ходит тяжело, в висках стучит так, что мир гудит. Но не двигаюсь. Что что-то не сходится.

— Ты чего-то не договариваешь... — выдыхаю.

Она моргает. Раз. Другой. Секунда и вижу, как зрачки дрогнули. Вот он. Страх. Перед тем, что я могу узнать.

— В смысле?.. — лепечет. — Я... я ничего не...

Делаю шаг. Второй. Сгребая за запястья, сжимаю так, что она всхлипывает. Бледнеет, глаза бегают.

— Что ты знаешь о выстреле?! — шиплю в упор, сдавливая горло. — Кто навёл стрелка?! ТЫ?!

— Нет! Нет, Макс, ты с ума сошёл! Я... я не знаю ничего!

Она задыхается. Плачет. Но я не отпускаю. Дышу тяжело, прямо в лицо ей. Всё в ней — ложь. Лицо, голос, поза. Но слова... не пробиваются.

— Последний раз спрашиваю. Ты. Знала. Что. Будет. Выстрел?!

— НЕТ!!!

Отпускаю. Резко. Она падает на пол, кашляет, держится за шею, и всё равно смотрит на меня, как будто я виноват. Как будто я чудовище. Может, и так. Но я своё узнаю. Даже если придётся разнести всё к чёрту. Если она в этом хоть как-то замешана молиться поздно.

— Ты возвращаешься в офис. Здесь ты больше мне не нужна. Я справлюсь сам.

— Нет Макс...

Просто выхожу из кабинета, не слушая, что она еще хочет сказать. Только что, у меня появился еще вариант виновника. И если я окажусь прав, пусть лучше будет подальше от меня иначе завалю ее лично.

Глава 13

Алиса

Темно уже. Воздух тёплый, душный, как перед грозой — дышится тяжело, одежда липнет к коже. Но пробирает всё равно. От злости и бессилия. От усталости, которая впиалась в кости, как ржавый гвоздь, и никак не вытащить. Из приёмного покоя выходим, как из ада. Белый свет, стерильные стены, запах лекарств и крови. Всё это ещё врезано в мозг, пульсирует в висках. Я злюсь. На ситуацию. На Ветра. На себя. На этот чёртов день, который перевернул всё вверх дном. Варя держит меня за локоть, упрямо, как будто я вот-вот потеряю равновесие. Хотя я уже пятый раз повторила, что могу идти сама.

— Всё, Варюш, не нянчь меня. Я в порядке, — бурчу, отдёргивая руку.

— Ты бледная, как смерть, и шатаешься. Не строй из себя Терминатора. Упрямая, как три черта, — бурчит она в ответ, но руку отпускает, хоть и остаётся рядом, на полшага сзади, настороже.

Домой меня с трудом отпустили. Персонал цепляется, как будто я сейчас рухну и умру прямо на пороге. Меня снова тошнит от этой навязчивой заботы. Варя достаёт свою стальную медсестринскую харизму, и через пять минут мы уже свободны. Она может уговорить даже мёртвого встать и пройти для осмотра. Варя — танк в юбке, если захочет.

Такси уже ждёт у входа. Фары режут темноту, кузов пыльный, но сиденья чистые. Мы садимся. Я резко хлопаю дверью. Таксист недовольно смотрит в зеркало. Варя морщит нос, но не комментирует.

— Что? — рычу, когда замечаю её взгляд.

— Ты сейчас как боевая граната. Только чеку кто-то уже выдёргнул, — отвечает она спокойно, но голосом, в котором звучит усталость.

— Потому что этот... этот придурок... — вспыхиваю я. Кулаки сами собой сжимаются. Жар лезет в лицо, в уши, будто меня облили кипятком изнутри. — Нет, ну ты видела? Его человек, в костюмчике, гладкий, вылизанный, как будто с обложки, вваливается в палату и нежно так: «Алиса Сергеевна, я буду вас представлять...» Представлять. Меня. Да пошёл ты к чёрту, милый.

Слова вырываются сами, без фильтра. Горят на языке. Сердце колотится, как будто до сих пор бежит от чего-то.

— Я что, под следствием? Или это он так боится, что я "ляпну лишнего"? Ну уж прости, я не безмозглая. Даже если бы захотела рассказать правду, кто мне поверит, а? Влиятельный олигарх и какая-то девочка-психолог? О, простите, бывшая жена. Которую никто не видел хрен знает сколько лет. Да всем плевать.

— Алиса, спокойно, — тихо говорит Варя. — Он, может, хотел помочь... Волнуется...

— Нет, Варя, — перебиваю жёстко. Нервно дёргаю плечом, будто хочу стряхнуть с себя чужие руки, чужой контроль, всё это липкое вмешательство. — Он привык, что всё и все у него под контролем. Всё. Я, в том числе. Вот и прислал юриста, держать меня под колпаком. Не дожждётся. Я не его собственность. И не подчинённая. И не его тряпичная бывшая.

Она кладёт руку мне на колено. Пальцы тёплые, сильные, уверенные. Варя всегда была рядом в нужный момент. Не лезла с жалостью, не сюсюкала, просто держала. Присутствием. Стабильностью.

— Я рядом, слышишь? Успокойся, держись... — говорит она.

— Я всегда держусь, — усмехаюсь, но голос чуть дрожит. — Ну уж если только в упор, в лоб, тогда уж намертво...

Таксист косится в зеркало, но я не обращаю внимания. Пусть смотрит. Пусть думает, что я психопатка, с глазом дёргающимся. Мне все равно. Я больше не жертва. Не статистка в его спектакле. Не та, что будет молча глотать его подачки и слушать, как мне жить.

Ветров вмешался в мою жизнь снова, как буря. Громко. Без предупреждения. И может это и не он стрелял, но точно из-за него. Да, понес меня на руках, спасибо ему за это. Но прощения не будет. Ни за прошлое. Ни за то, что он всё ещё лезет, будто имеет право.

Плечо жжёт, под бинтами всё ноет. Голова тяжёлая, как свинец, и мысли гудят, спутавшись в узел. День выдался насыщенный. И я чувствую — это только начало. Если Ветров снова рядом... значит, еще многое впереди. Машина сворачивает в мой район. Фонари за окном размываются, как огоньки в стеклянной банке. Тени плывут по лицу. Такси тормозит у подъезда, и мне сразу в глаза бьёт яркий, мигающий свет. Скорая. Прямо у нашего дома. Мигалки перебиваются по стенам, будто сцена из плохого сна. Сердце тут же начинает колотиться. И плохое предчувствие давит. Выхожу из машины, и понимаю, что грудь сдавило не зря.

На лавке у подъезда — Нина Семёновна. Моя няня. Сидит скрючившись, как сломанная птица. Платок в дрожащих руках, глаза пустые и растерянные. Лицо серое, будто с него смыло краски. Она одна. Без Тёмы. Без моего сына. И почему, чёрт возьми, на улице?!

— Где он?! — почти падаю на колени перед ней. Воздуха не хватает. В груди всё сжалось, как кулак. — Нина! Где Тёма?!

Она поднимает на меня глаза, и я сразу понимаю: что-то ужасное. Слёзы стекают по морщинам, взгляд дрожит, как у ребёнка.

— Тёмка капризничал... Хотел на улицу. Я подумала... ну, немного, перед сном... — шепчет, словно извиняясь перед всем светом. — Я только на минутку отвлеклась... Он тут... был... у песочницы... Я... обернулась — и... его не было... Просто... не было...

Мир грохочет. Всё будто наклоняется. Воздух исчезает. Меня будто выкидывает из собственного тела и я смотрю на себя со стороны: руки сжимаются в кулаки, а внутри пустота.

— Господи... — губы дрожат. — Нет... нет-нет-нет...

Варя подбегает сзади. Пытается усадить. Боль прошивает грудную клетку, будто ломом под ребра. А затем не чувствую ничего. Только страх. Бешеный, как дикий зверь, рвущийся наружу.

— Кто вызвал скорую?! Что случилось?! Он ранен?! Его сбила машина?! — голос надывается, как оборванная струна. — ГДЕ МОЙ СЫН?!

Нина закрывает лицо руками и начинает рыдать. Захлебывается. Согнулась вдвое, как будто кто-то выдрал у неё душу. В голове вспыхивает, как молния: **Ветров.** Он всё знает. Он всегда знал. Он следит. Он контролирует. Он забрал Тёму. — Мне нужно... к нему... — шепчу, губы едва шевелятся. — К Ветру...

Слова слипаются. Сил нет. Голова пульсирует глухой болью. Перед глазами всё синее, будто затянута льдом, а потом резко чернеет. Тело подкашивается, я падаю. Проваливаюсь в темноту, как в глубокий колодец без дна. Прихожу в себя резко, как будто вынырываю из ледяной воды. Воздух воняет нашатырём. В носу жжёт. Сердце бешено колотится. В голове стучит: *сын, сын, мой сын.* Воспоминание накатывает не просто волной, цунами. Считает всё.

— Тёма! — дёргаюсь вперёд, будто могу сорваться и мчаться. Боль в плече вливается раскалённым ножом, мгновенно расплзается по всей левой стороне. Я вскрикиваю, губы и лоб покрываются липким потом.

— Тише, тише... — Мягкий голос Вари рядом. Моргаю несколько раз. Мы в машине скорой. Всё ещё у дома. Сквозь мутное стекло — мигающие огни, силуэты людей. Снаружи шум. Голоса.

— Мне надо к Максиму... Я знаю, он у него... Он забрал Тёму... —

Пытаюсь подняться. Варя сжимает мне плечи, с усилием. Она тоже напугана. Я вижу это. Но не отступает.

— Алиса, прошу. Успокойся. Полиция уже начала поиски. У тебя шок. Тебе нужно...

— Мне нужен мой сын! — голос срывается на крик. Он хриплый, искажённый. — Пусть полиция ищет! Я тоже буду!

Руки дрожат, тело не слушается, но я всё равно встаю. Меня кто-то держит: фельдшер, молодой парень с усталыми глазами и вонючей жилеткой, что-то говорит про давление, про "нельзя в таком состоянии". Не обращаю внимание. Вываливаюсь из машины. Асфальт под ногами кажется зыбким. Всё расплывается, шум усиливается. Кажется, даже воздух дрожит. Двор словно чужой. Соседи стоят группками. Кто-то курит и прячет взгляд. Кто-то тычет телефоном в воздух, снимает. Где-то в углу мерцает вспышка. Мне хочется вырвать у них эти телефоны и разбить об асфальт.

Возле подъезда полицейский опрашивает женщину в халате и тапках, с заспанным лицом. Её глаза бегают, руки мнут подол. Другая пара стоит у машины, обсуждает, как "такое могли допустить". Все говорят. Все шепчутся. А мой сын пропал. На лавочке, всё ещё Нина. Сутулая, как старый воробей под дождём. Платок сжала в руке, как тряпичную надежду. Плечи дёргаются. Но она уже не плачет. Просто смотрит в землю, будто оттуда может вырасти прощение.

Я отворачиваюсь. Не могу. Просто не могу. Глаза сжигает. Грудь сдавливает. Боль такая сильная, будто кто-то вырвал часть сердца и выкинул на холодный бетон.

Глава 14

Алиса

Ко мне подходит полицейский, мужчина лет сорока, с лицом, будто высеченным из камня. Смотрит на меня устало, но профессионально. В голосе ни капли сочувствия, всё по инструкции. От него пахнет табаком и терпением.

— Алиса... Сергеевна? — уточняет, глядя в планшет. Я киваю. Молча. — Скажите, когда вы в последний раз видели ребёнка?

— Утром, перед тем как уехать... — Голос чужой. Сухой. Как будто из динамика. — Потом Нина Семёновна с ним осталась.

Записывает. Спокойно. Сухо.

— Нам нужна будет фотография вашего сына.

— Конечно.

Оглядываюсь ищу Варю, у нее моя сумочка. Замечаю ее неподалеку, она разговаривает с кем то по телефону. Встречается со мной взглядом и сразу заканчивает разговор. Подходит ко мне. Я молча беру у нее сумочку, и достаю фото с последнего детского утренника. Мне вчера воспитательница его отдала, и оно до сих пор у меня. Полицейский рассматривает его внимательно, затем молча кладет его в папку.

— Сейчас прочёсывают район. Камеры с магазинов и подъездов уже запрашиваются. Мы подключим ГИБДД, вдруг ребёнка увезли на машине. Опрашиваем жильцов, проверяем всех, кто сидел во дворе. Вам лучше остаться дома. На всякий случай. Если поступит звонок или сообщение нам важно, чтобы вы были на связи.

— Хорошо, останусь дома. Всё, что нужно.

Он кивает. Поворачивается к коллеге. И уже меня нет для него, просто следующая потерянная мама на его длинной, бесконечной ленте службы. Поворачиваюсь к Варе, она без слов берёт меня под руку, и мы идём к подъезду. Дверь лифта хлопает глухо. Кнопка «пятый» светится красным глазком. Варя дышит часто. Я вообще не уверена, что дышу. Квартира встречает тишиной. Чужой. Холодной. Брошенные игрушки, тапки, запах молока и яблок. Но всё застыло. Прохожу в комнату Тёмы. Руки опускаются. Падаю на край кровати, будто в ноги стреляли. Плед с машинками сминается под ладонью. Мелкий, синий, с расплывшимися в стирке колёсиками. Тёма всегда прятал под него конфеты, думал, я не замечаю. Смотрю на подушку. Она смята, он ещё утром здесь спал. Волосы торчали в разные стороны, губы приоткрыты, ресницы длиннющие. Он так смешно улыбался... Ему снился котёнок. Он проснулся и сказал: «Мама, ему надо имя и ему нужен друг, он же будет один, пока я в садике».

В горле встаёт ком. Сначала тихий, тёплый, горький. Но с каждой секундой он распухает, расплзается по груди, царапает рёбра изнутри. Не могу глотнуть. Не могу выдохнуть. Медведь в углу смотрит на меня пустыми глазами. Мы с Тёмой выбрали его вместе, когда ему было три. Он сам нес в руках, уронил, затем поднял, обнял и сказал: «Он мой. Всё равно, ну что что грязный теперь».

Прижимаю плед к лицу и наконец не выдерживаю. Рывок вырывается наружу с таким звуком, будто ломается что-то внутри. Хриплый, рваный крик. Без слов. Только боль. Чистая, серая, как сажа.

— Боже, Тёмочка... где ты... — шепчу я, и лицо заливают горячее, солёное. Слёзы бегут, как из крана. Я трясусь вся. Сердце, кажется, забывает, как стучать.

Я сильная. Боевая. Привыкла держать всё сама. Привыкла вытаскивать себя из любых ям. Но сейчас — нет. Сейчас я просто мама. Мама, у которой украли ребёнка.

— Он боится... — всхлипываю, глядя на подушку. — Он всегда боится темноты... Ему холодно... Ему плохо... А я... а я ничего не знаю... ничего...

Вжимаюсь в плед, как будто смогу найти в нём остатки тепла. Как будто он может согреть. Как будто это хоть что-то вернёт.

Время тянется ужасно долго. Я не могу стоять на месте. Прошагала квартиру вдоль и поперек. Генка приезжает к нам ближе к полуночи. Варя все время ходит за мной, то водичку, то таблетки сует, то хочет рану посмотреть. Понимаю что она права, но с трудом сдерживаю себя чтобы ей не нагрубить. Прошу друзей уехать и отдохнуть, потому что в любом случае сейчас они ничего не могут сделать. Они ни в какую не соглашаются. Ближе к рассвету оба вырубаются в гостиной.

Все это время я не могла думать ни о чём, кроме того, где мой сын. Тысячи вариантов прокрутила в голове, как плёнку на перемотке, и все неизменно заканчивались одним — Ветров. Не вижу другого выхода: я просто обязана спросить с него. Сомнений нет, он всё узнал о сыне и забрал его у меня, пока я была в больнице. И адвокатишку своего подослал, чтобы выведать всё до последней мелочи.

Двигаюсь к выходу так тихо, будто иду по минному полю. Каждый скрип половиц, каждый вдох предательский. Я украдкой оглядываюсь на гостиную, где спят Варя с мужем, прижавшись друг к другу на диване. Если они проснутся, то не выпустят. Будут уговаривать ждать звонка, как велела полиция. Но я не собираюсь сидеть и ждать, когда сердце разрывается от ужаса и неизвестности.

У подъезда встречаю блеклый, почти прозрачный рассвет. Воздух холодный не смотря на середину лета. Черт, я даже не заметила, когда наступило утро. Усталости нет, даже намёка. В голове только одно: мой сын. Каждая мысль о нём словно удар током. Боль в плече простреливает время от времени, заставляя ненадолго вспомнить о вчерашнем кошмаре на конференции. Но эта боль ничто в сравнении с тем, что сердце ноет от неизвестности.

Толком не знаю, куда ехать. Повезло, что на работе девчонки сплетничали о «красавчике-спонсоре» и его новом жилье. Говорили, Ветров снял загородный домик, огромный, как музей, самый дорогой в округе. Я повторяю таксисту всё, что помню, и чудом он понимает, куда меня везти. Повезло, что попала с первого раза, иначе пришлось бы колесить от особняка к особняку, выискивая его.

Такси мягко подкатывает к воротам, и у меня внутри всё обрывается. Ворота высоченные, кованые, тёмные, словно стены крепости. На узорах металла застыли завитки, похожие на паутину, тяжёлую, холодную, в которой запутается любой, кто рискнёт пройти. Дом за воротами почти не видно, лишь силуэт крыши и строгие линии фасада.

Таксист косится на меня в зеркало, будто хочет спросить, уверена ли я в этом, но молчит. В горле пересохло, пальцы дрожат, когда я достаю деньги. Расплачиваюсь и выхожу. Сразу же навстречу выходят два амбала. Черные пиджаки, такие же тёмные лица. Стоят, будто вросли в землю, и смотрят сверху вниз, как на букашку, решившую посягнуть на чужое логово.

Я не даю себе времени испугаться. Голос звучит жёстче, чем я ожидала: — Доложите Ветрову, что пришла Алиса Корнилова.

Один из них чуть кривит губы в ухмылке. Неторопливо достаёт телефон, набирает номер. Всё это время продолжает сверлить меня насмешливым взглядом, словно проверяет, дрогну или нет. Но когда на том конце отвечают, ухмылка с его лица исчезает. Я замечаю, как медленно ползут вверх его брови, будто он сам не верит в услышанное.

— Проходите, — коротко бросает он, уже без прежней наглой интонации. Телефон уходит обратно в карман, и он разворачивается к воротам.

Я сглатываю, сжимаю ремешок сумки до белых костяшек пальцев и шагаю за ним. Кажется, воздух становится плотнее, тяжелее. За воротами меня ждёт другой мир — мир Ветрова, в котором нет случайностей.

Глава 15

Алиса

Аллея перед домом длинная, вытянутая, словно специально создана для того, чтобы гость чувствовал себя песчинкой в чужом пространстве. По обе стороны ряды туй. Стриженные, идеальные, каждая словно вымерена под линейку. Никакой свободы, никакой случайности только порядок и контроль. Даже зелень здесь подчинена чьей-то воле.

Сам особняк возникает постепенно, будто раскрывается из воздуха: сначала белые колонны, потом панорамные окна, в которых отражается бледное утро. Крыша с черепицей цвета мокрого графита будто давит своей тяжестью. Дом выглядит не просто дорогим, он монументальный, почти властный. Это не жильё — это крепость, выставленная напоказ. Слишком безупречный, от этого даже неуютный. И в этой тошнотворной безупречности вся Ветрова сущность: всё вокруг должно быть идеальным, хотя сам он далёк от идеала.

Внутри дома всё ещё тише. Прохладный холл встречает гулками стенами и запахом дорогой полировки. Мраморный пол отражает свет, и каждый мой шаг отдаётся эхом, будто я вторгаюсь в храм, где мне не рады. Охранник ведёт меня длинным коридором, стены которого украшены картинами.

Наконец, мы останавливаемся у массивной двери. Он толкает её и открывается просторный кабинет. — Проходите, присаживайтесь, — его голос приказной, сухой, как стальной щелчок. — Господин Ветров сейчас к вам подойдёт.

И, не дожидаясь моего ответа, охранник исчезает за тяжёлой дверью, оставив меня одну.

Присаживаться я не собираюсь. Моё тело дрожит, будто вместо крови в жилах кипятки. Сердце колотится так, что я слышу его удары в висках. Я начинаю ходить по кабинету, шаг за шагом, меряю пространство, как зверь в клетке. Невольно оглядываюсь. Кабинет слишком знакомый. Он похож на тот, что был у нас дома, только чуть меньше и холоднее. Ряды книг на полках стоят ровно, с показательной аккуратностью, будто они здесь для красоты, а не для чтения. Большой стол из чёрного дерева занимает центральное место у окна. Стол напоминает алтарь, строгий и мощный. На нём ничего лишнего: аккуратно сложенные папки, ноутбук, идеально выровненные ручки. Даже поверхность стола сверкает так, будто её только что протёрли.

Часы на стене тикают слишком громко, вгоняя в нервное бешенство. Каждое «тик» звучит издевательски, словно дразнит: вот оно, время, утекает, а я всё ещё не знаю, где мой сын.

И тут дверь открывается и входит Макс. Он появляется так, будто это не раннее утро, а середина дня. А он только что с важного совещания. Высокий, уверенный, ни малейшего признака усталости, будто ночь и тревоги к нему не имеют отношения. Хотя по факту и не имеет. Его взгляд сразу цепляет меня, холодный, пронизывающий, как лезвие. На нём идеально сидит тёмный костюм, и даже в этой домашней тишине он выглядит так, словно готов командовать миром.

Дверь тихо закрывается за его спиной, и в кабинете становится ещё теснее от его присутствия. Воздух густеет, будто кислород куда-то уходит. Он не торопится, не делает ни лишнего движения. Просто стоит в нескольких шагах, руки в карманах, взгляд скользит по мне, как будто я не человек, а случайный предмет интерьера.

— Чем обязан столь раннему визиту? — голос низкий, спокойный. Но от этого спокойствия по коже бежит мороз. — Я думал, ты ещё в больнице.

— Разочарован, да? — стараюсь говорить так же холодно, но кажется у меня плохо получается. — Думал, я буду лежать тихо и послушно. Кстати, твой пижон разве не рассказал тебе, что я уехала?

Он чуть приподнимает бровь, и на лице появляется едва заметная тень улыбки, скорее насмешки. Словно все это его только забавляет. Медленно отходит к столу, садится в кресло, разворачивается ко мне и, облокотившись на подлокотники, смотрит, будто я сама сюда явилась в ловушку.

— Зря не осталась, — спокойно произносит он, словно читает диагноз. — Выглядишь хуже, чем я думал.

Я стискиваю зубы так сильно, что ноют челюсти. Его слова колют, но я отталкиваю их, как яд. Мне всё равно. Мне должно быть всё равно. Сухим движением достаю из сумочки фотографию Темки. Подхожу к столу и кладу фото прямо перед ним, на идеально отполированное дерево.

Макс мельком опускает взгляд, смотрит без интереса, будто ему показывают рекламный буклет, и спрашивает: — Это кто?

Грудь сдавливает, будто в ней камень. Я заставляю себя произнести: — Мой сын.

Он чуть подаётся вперёд, глаза темнеют, но голос при этом не меняется, всё тот же ровный, холодный, режущий: — И? Мне эта информация к чему?

Меня бросает в жар, потом тут же в холод. Сжимает горло так, что слова рвутся сквозь ком. Злость и страх борются внутри. Я не отвожу взгляд, хотя очень хочется..

— К тому, что ты его отец, — выдавливаю каждое слово, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. — Его похитили... И я знаю, это ты. Где он?

Я готова броситься на него, если он сейчас усмехнётся. Готова разорвать эту ледяную маску. Но он всё так же сидит в кресле, бесчувственный и непроницаемый, словно в нём и вправду нет ни капли тепла.

Макс молча смотрит на меня. Затем спокойно заявляет:

— Во-первых, я не похищаю детей. Во-вторых, если тебе нужна помощь, могла просто попросить. Не стоит заливать мне бред про отцовство. Поздно для дешёвых спектаклей, Алиса.

У меня перехватывает дыхание, как будто меня ударили. Внутри всё вскипает обида. Он реально думает что я это все придумала?! Делаю шаг вперёд:

— Это не спектакль! Верни мне его, Ветров! Иначе...

— Иначе что? — он резко встаёт. Стул с глухим стуком отъезжает назад. Его спокойный голос взрывается криком, неожиданным, резким, словно удар плёткой. Я вздрагиваю, сердце срывается в бешеный ритм.

— Ты что о себе возомнила?! — он выходит из-за стола и приближается. — Появилась в моём доме с первыми лучами, с какими-то тупыми заявлениями, обвиняешь меня в похищении... Ты вообще кто такая? Думаешь, наше прошлое даёт тебе привилегии?

Он подходит вплотную. Я чувствую его дыхание, запах дорогого парфюма, от которого меня бросает в дрожь. Его фигура нависает надо мной, как огромная глыба льда. Внезапно холодные пальцы врезаются мне в кожу. Ветров хватает меня за подбородок, сжимает так сильно, что боль простреливает челюсть.

— Или ты решила, что придумаешь историю с сыном, я в это всё поверю и мы заживём долго и счастливо? — в его голосе сталь, насмешка и ярость в одном.

Я дёргаю голову, вырываюсь, отступаю на шаг назад. Щёка горит, словно он оставил на ней след.

— Ты вообще больной? — мой голос дрожит, но я стараюсь удержать злость. — Верни мне сына, и мы снова исчезнем из твоей жизни!

В груди всё сжимается. Я ехала сюда полной решимости, веря, что смогу одним взглядом убить Ветрова, заставить его сломаться. Но всё улетучилось в секунду, когда я снова мысленно

оказалась в пустой комнате сына, где пахнет его игрушками и одеялком. Вижу его кровать, как в отчаянии прижимаю к себе его маленький пледик, который ещё хранит его запах.

Глаза предательски щиплет, я моргаю слишком часто, чтобы скрыть слёзы. Но внутри уже нет той злости, только страх и отчаяние, разъедающие изнутри.

— В этот раз обещаю навсегда... — слова едва вырываются из горла, голос срывается на шёпот. — Макс... верни мне его... прошу...

Горло сдавливает так, что я не могу вдохнуть. Слёзы всё же прорываются, горячими каплями скатываются по щекам. Я больше не в силах удерживать образ сильной, боевой. Передо мной стоит ледяная стена, и я упираюсь в неё голыми руками, царапая в кровь, но бесполезно. Ветер смотрит на меня свысока, все с тем же недоверием.

— Па-а-па! — дверь распаивается так резко, что ручка ударяется о стену, и в кабинет влетает мальчишка лет четырёх. В пижаме с машинками, растрёпанные волосы, босые ножки звонко шлёпают по паркету. Его голос звонкий, чистый, и в этой тяжёлой, гулкой тишине звучит как взрыв.

Макс застывает. Его взгляд, ещё мгновение назад ледяной и колющий, меняется, тьма в глазах растворяется, как будто её и не было. Уголки губ едва заметно дрогнули, и всё лицо смягчилось, стало живым, тёплым. Он делает шаг в сторону мальчика, обходя меня.

— Доброе утро, — его голос другой. Тёплый. Низкий, но мягкий, почти ласковый. В нём нет и следа той злости, которой он только что обжигал меня. Господи, этот человек вообще не похож на Ветра, которого я знаю.

Он раскрывает руки, и мальчик, радостно хохоча, разгоняется и запрыгивает ему на руки, словно делал это сотни раз. Макс легко подхватывает его, крепко прижимает к груди, и его пальцы, те самые, что минуту назад больно сжимали мой подбородок, теперь аккуратно, бережно поправляют вихор на голове ребёнка. Ветров чуть склоняет голову и что-то шепчет ему, и кажется, весь кабинет меняется вместе с ним.

Я стою, как вкопанная. «Папа?» — мысль громом гремит в голове. Мне реально не послышалось? Это не может быть правдой. Не может...

Что это за ребёнок? Почему он называет Макса отцом? А как же его вечный принцип — никаких детей? Кто его мать?

Мысли, как голодные вороны, атакуют со всех сторон, кружат, клюют в голову. Всё расплывается, будто я смотрю сквозь толстое стекло. Я ожидала увидеть что угодно в этом доме: оружие, деньги, даже очередную его любовницу. Но только не ребёнка.

— Пап, а почему эта тётя так смотрит на меня? — тонкий детский голосок прорывает мой ступор, заставляет вздрогнуть и снова вынырнуть на поверхность. Перед глазами постепенно проясняется.

— Просто тебя не знает, вот и смотрит, — И снова эта непривычная мягкость в его голосе.. — Папе нужно ещё поработать, а ты беги завтракать.

— Нееет, я хочу с тобой... — капризно тянет мальчишка, вцепившись в его рубашку.

Я в ступоре. Просто смотрю на ребёнка. На его глаза. На то, как он сжимает маленькими пальцами ворот рубашки. Внутри всё обрывается. Застенчивый взгляд мальчишки встречается с моим и сердце проваливается куда-то в пустоту.

— Простите... — В кабинет входит женщина в домашней одежде. Она виновато ломает пальцы. — Я не заметила, как он выбежал из детской.

— Замечать — это твоя работа, — холодно отрезает Ветров, и в его голосе вновь слышится тот же металл, что резал меня до этого. Затем он снова как по команде меняется и обращается к сыну:

— Давай так, ты сейчас пойдёшь с няней и проследишь, чтобы на стол положили все самое вкусное. Этот процесс нужно проконтролировать. И через пару минут я к тебе присоединюсь. Хорошо?

Мальчишка кивает и Макс опускает его на пол, няня берет его за руку не поднимая глаз. И они выходят из кабинета. Макс переводит свой ледяной взгляд на меня.

– Слушай я не знаю, что ты там себе напридумывала, но я не намерен слушать больше твой бред. Как видишь меня ждут к завтраку. И если у тебя и вправду похитили сына - обратись в полицию.

– Кто, кроме тебя, захотел его забрать? – продолжаю твердить то, что думаю. Правда уже не стой уверенностью что и раньше. – Ты узнал, что он твой, и решил таким образом отомстить мне...

– Я тебе уже сказал, у меня нет твоего сына! – голос его гремит по комнате, резкий, как удар. – Ты вообще слышишь, что я говорю?! У меня один единственный сын, Руслан, и ты только что его видела. А твоего у меня его нет! Не-ту! Вали и ищи его там, где потеряла!

От этих слов внутри всё разрывается. Кровь гудит в ушах, перед глазами все снова плывёт. – Какая же ты мразь! – выдыхаю с яростью и со злостью замахиваюсь, чтобы ударить его.

Не успеваю осознать, что поднимаю именно ту руку, где ранено плечо. Резкая, слепящая боль пронзает меня насквозь, будто лезвие вошло в живое тело повторно. Мир сразу же заваливается набок. В глазах темнеет, я хватаю ртом воздух, но он не идёт. Последнее, что успеваю увидеть — напряжённое лицо Ветрова. И тишина, в которую я проваливаюсь, как в чёрную яму.

Глава 16

Макс

Алиса поднимает руку в поп

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.